

Евгений Морозов

ЗА СТЕКЛОМ

Annotation

Слежка за частной жизнью — обычное дело. Однако, когда ты снимаешь, как люди сходят с ума, появляются вопросы. Когда ты узнаёшь, что сам оказался на крючке по воле какой-то странной дамочки, вопросов становится ещё больше.

Что же происходит за стёклами ваших домов? И где гарантия, что в данный момент из соседнего окна за вами не наблюдают?

Не нужно судить людей слишком строго. Люди всегда занимаются тем, что приносит большие деньги. И... к чёрту удовольствие от работы. Я, например, люблю сочинять разные истории, но, если посвящу себя всего этому делу, то скорее пойду по миру и сдохну в собственном дерьме, чем заработаю кучи бабла. Это в газетах и глянцевых журналах писатели — успешные люди, богатые и радостные. Но издатели и редакторы этих газет почему-то скрывают от нас, каким образом знаменитые словописцы и романописцы добились своего успеха. Да, я знаю. Кто-то отчислил огромную сумму, чтобы его никчёмные писульки превратились при помощи редакторов в более-менее оформленный текст. Кто-то занимался всякой ерундой, и частенько незаконной, дабы его средненький романчик получил тираж выше тысячи экземпляров. А я снимаю частное видео.

Да, да, давайте сюда свои тухлые помидоры и прочие скользкие овощи. Но... дослушайте до конца, хорошо?

Это не моя основная профессия, и, скажу больше, я не собираюсь заниматься этим всю жизнь. Просто мне хорошо платят. Те, кто заказывает мне видеоматериал, они знают, что такое крутая жизнь. Они не думают, сколько нужно потратить на шмотки, чтобы до конца месяца хватало на задрипанные макароны и сухой кусочек мяса. Они вообще не думают о бабках. Мой друг, Дуглас (по паспорту Дугликов Андрей Романович), говорит, что есть три стадии жизненного уровня. Первая, это когда ты постоянно думаешь о деньгах, вторая — это когда ты думаешь о деньгах несколько часов в сутки и третья — это когда ты вообще не думаешь о деньгах. Деньги думают о тебе и бегут в твои руки сами.

Так вот, мне неплохо платят за то, чем я занимаюсь. Мне плевать, кто и как использует те видео, которые я им предоставляю. Может, это просто онанизм, а, может, они используют их в криминальных целях? А, может, в целях государства? Не зря же всю чёрную работу всегда выполняют те, кто мало о ней знает.

Так или иначе, мне платят. Я коплю деньги. Я коплю деньги, чтобы издать свою книгу. Которая ещё не написана...

Которая даже не начиналась писаться. Но, когда есть средства, ты можешь потереться двумястами страниц, и издательства издадут сие творение.

Мне предоставляют всё: информацию, адрес, этаж. Мне достаточно только найти подходящее место для слежки, дождаться хозяйку или хозяина с работы и начать снимать.

И это не то, что вы думаете. Они не всегда ходят голышом, они даже сексом редко занимаются. Я снимаю всё: как они смотрят телевизор, как готовят еду, как переодеваются, как моют полы, ползая на карачках, как играют в приставки, как нянчат детей...

Сначала я пытался понять, что в этом интересного, но потом плюнул. Мне платят деньги за слежку, и деньги немалые, поэтому я засунул язык подальше, и, сидя в неудобных позах на съёмных квартирах, снимаю видео.

Заказы мне поставляет молоденькая девушка, худенькая и совсем крохотная. Наверное, это какой-то клуб фетишистов, которые получают удовольствия от простой жизни других людей. Знаете, что-то типа подглядывающих в женской бане. Только их возбуждает бытовуха, или что-то похожее.

Я никогда не вдавался в подробности. Чёрт с ними, у богатых свои причуды. И где

гарантия того, что ты бы на их месте брезговал этим. Когда всё попробовал, хочется чего-то нового, и вот тут я их вроде бы понимаю.

Однажды, когда мы встретились в кафе с той самой маленькой девушкой, я спросил её:

— Так интересно... просто хочется знать, это для кого?

Она подняла на меня огромные очки, кожа на бледных щеках (кажется, она специально их замазывала, ради таинственности) натянулась, и девушка сказала:

— Сколько?

— Что... сколько?

— Сколько вы хотите к основному заработку?

Им просто не нужны лишние вопросы. Они готовы заплатить любые деньги. В принципе, правильно. Чем меньше вопросов, тем меньше людей знают. И её лицо: огромные очки, белая кожа, маленькие губки, покрашенные чёрной помадой и волосы, стянутые в учительский пучок. Она всегда одета в строгие костюмы и туфли на среднем каблуке.

Я сказал:

— Несколько тысяч... долларов.

На тот момент я получал десять тысяч рублей за один вечер видео.

— Мы будем вам платить... наши клиенты будут вам платить сто тысяч рублей за видео, идёт?

Сто тысяч рублей! Я сидел в маленьком тёмном помещении, однокомнатной квартире, и камеры тряслась в руках при мысли о таких деньгах. Моя книга! Моя собственная книга... может, стоит начать её писать?

Квартиры напротив снимают тоже они, мои любимые незнакомые извращенцы. Вот как раз квартиры меня и наводят на мысль, что тут замешана какая-то загадочная хрень. Может, даже страшная...

В них нельзя включать свет, это одно из правил. Ключи от них мне даёт незнакомка с бледными щеками, она же повторяет из раза в раз:

— Никакого света и никаких резких движений. Бахилы. Не забывайте про бахилы. Не трогайте ничего, даже не задевайте в этих квартирах!

И окна квартир, в которых я снимаю, выходят точно на объект слежения. Они, мои подопытные, ничего не подозревающие кролики, живут всегда напротив. И у них никогда не бывает штор и занавесок.

Но меня всегда смущают эти тёмные квартиры, в которых нельзя включать свет. Кто живёт в них? И живёт ли вообще? И будут ли жить те, кто там жил? Понимаете? Зато ничего нельзя трогать...

Со временем я привык. Когда приходят деньги, принципы и сомнения отмирают. Деньги — это раковая опухоль на наших комплексах. Вот они, пачки новеньких банкнот. Конечно же, не будь дураком, я пошёл и проверил их в банке. Каждую. Подлинные, настоящие.

Хотя неловко и боязно сидеть в пустой тёмной квартире. На мне всегда надет чёрный костюм из мягкой ткани, на ногах — мокасины такого же угольного цвета, а на голове — кепка без надписей. Тоже, конечно же, чёрная. С камерой вообще ничего сложного: "вкл" и "выкл", приблизить, отдалить...

Моим первым объектом была женщина. Немолодая, но и не старая, довольно привлекательная блондинка. Такие живут сплошь и рядом, достаточно просто выйти на балкон и заглянуть в соседние окна. Вы найдёте за стеклом одну из них. Никто точно не

скажет, почему они одиноки. Тут причин может быть масса: бросил муж или же сама дамочка не приемлет браки и прочую чепуху, или её мужчина в постоянных командировках... Так или иначе, я без труда нашёл нужное окно, в котором горел свет, и не было занавесок.

Эти дамы, они стягивают волосы в пучок или конский хвост, ходят в халатах на голое тело, или в удобных штанах, или в тонких лосинах; они носят растянутые футболки, причудливые кофточки и рубашки своих мужей, бывших или настоящих. В их доме всегда чисто потому, что им просто больше нечем заняться по вечерам после работы, кроме как уборкой. Они переодеваются из строгих костюмов или платьев в застиранные, пахнущие порошком и кондиционером вещи. Когда они ложатся спать, то гасят свет, оставляя гореть ночник или лампу в прихожей. Порой, у них до поздней ночи сверкает телевизор, и они засыпают под последний блок новостей, перед белым шумом. Чего они хотят, чем увлекаются и кого любят, вы никогда не узнаете. В их движениях, в их образе жизни нет ничего такого, что выдавало бы их внутренний мир.

Она приходила с работы в восемь вечера. К семи я приезжал в квартиру напротив её окон, я устанавливал камеру и начинал снимать. Женщина носила синие джинсы и красную кожаную куртку с нашивками на плечах. Её растрёпанные белоснежные волосы — это всего лишь образ, этакая дама, сошедшая в современный мир прямым с концерта "Миража". Она снимала куртку, снимала джинсы прямо в прихожей и в одних трусиках белого цвета шла в ванную. Оттуда она выходила уже в махровом халате, с мокрыми волосами, которые никогда не повязывала полотенцем.

Первый вечер я сидел, как на иголках. В один момент мне показалось, что в квартиру сейчас ворвутся люди в масках и обвинят меня в какой-нибудь несанкционированной чуши. Дамочка выключила свет и легла спать. Я ещё долго ждал. Вдруг, она заметила слезку? Вдруг там, в тёмной квартире, женщина набирает под одеялом двузначный номер и вызывает полицию? Через пятнадцать минут я свернул камеру, убрал её в сумку и ушёл, закрыв квартиру.

Сроки съёмки устанавливала девушка с бледным лицом, имени которой я не знал. Тогда ещё не знал. Это не слезка частного агента, когда ты знаешь до какого момента именно нужно снимать объект. В таком случае у тебя есть цель. Например, застукать неверного мужа или жёнушку в измене, или уличить подозреваемого в каком-нибудь противозаконном дерьме. Понимаете?

Тут же люди просто жили. Я записывал на карту памяти обычную жизнь, и, если все они и делали что-нибудь аморальное, то это уж точно не являлось целью этой работы. Тогда, в самый первый раз, она не ответила на вопрос зачем всё это нужно. Но она сказала:

— Я сама скажу, когда нужно будет прекратить съёмку.

То есть, я находился в подвешенном состоянии. Сколько это продлится? Может пару дней, а, может, и год. Однозначно: тайна раскроется тогда, когда дамочка с бледным лицом скажет "достаточно". Это бы означало, что я снял то, для чего нужны эти записи, и заказчик удовлетворён.

Однако, шли дни, а женщина за стеклом не совершала ничего странного.

Со временем, мне стало интересно, что же такого в этой зрелой привлекательной блондинке? Неизменная традиция: открывается дверь, и она стягивает одежду, бросает её на пол и идёт в ванную. Потом, выходит оттуда в халате, собирает тряпье, складывает его в шкаф. С вероятностью в три дня, я научился предсказывать, в какой момент она закинет

джинсы и кофту в стирку. Она развесит их на сушилке, включит телевизор и будет смотреть его, пока не стукнет два часа ночи.

Я с ужасом заметил, что женщина интересна мне. Дело тут не в привлекательности и не в том, что вот уже три недели я видел её голую, видел её белую кожу, видел её подтянутую грудь и широкие бёдра. Нет. Вся суть в монотонности. Так не живут. Если бы на земле существовали роботы, то они бы проводили вечера точно так же. Женщина не звала гостей, не готовила ужин, не говорила по телефону, не сидела за компьютером; её не посещали мужчины, не случилось ничего необычного.

Картинки. Вот во что превратились мои воспоминания о ней. Маленькие вспышки, которые я прокручивал в голове, шагая поздним вечером по городу. Я подходил к остановке, держа чёрную сумку, в которой лежала камера. Я провожал взглядом незнакомых людей. Я никогда не рассматривал лица прохожих, но тогда поймал себя на мысли, что, зачем-то, смотрю в их глаза. Как будто что-то искал, или кого-то... Когда следишь за людьми, возникает ощущение, что и за тобой может кто-то подглядывать. Знает ли женщина, что за ней наблюдают? И что в ней такого необычного, кроме монотонности и совершенной одинаковости существования?

Картинки. День за днём. Порой, они вспыхивали, и я отрывался от экранчика. Я смотрел в окно, словно камера могла соврать и исказить увиденное. Картинки. Маленькие вспышки.

Однажды женщина, включив телевизор, прошла на кухню и достала из холодильника бутылку не то вина, не то виски. Она откупорила её и пила прямо из горла, сидя на холодном полу. Её длинные белые ноги лежали на полу, длинные, странные, как будто жившие отдельной жизнью. Картинка.

Спустя несколько дней, в белом шуме её обыденной жизни, вспыхнула ещё одна картинка. Женщина лежала на кровати и глядела в потолок. Долго. К тому времени я привык приходить в пустую квартиру к семи часам потому, что знал: объект появится дома где-то в восемь вечера. Неизменно. Я уходил из квартиры в два пятнадцать ночи, после того, как убеждался, что женщина больше не включит свет. И, вот, половина третьего после полуночи, а она лежит на кровати. Она распахнула халат так, что видно её белое красивое тело. Потом, она протянула руку к тумбочке, где всегда стояла её красная блестящая сумочка и достала оттуда что-то маленькое. Прежде, чем я понял, что это было, она коснулась этим предметом живота и провела яркую красную линию от ложбинки меж грудей до гладко выбритого паха. Помада.

Не отрываясь от потолка, женщина потрогала пальцем линию, подняла руку и поднесла её к глазам. И только потом глянула на собственный живот. Опустив голову на чёрную подушку, блондинка коснулась помадой шеи, и ровная линия, похожая на разрез, пролегла под подбородком, от уха до уха.

Я не мог усидеть на месте, я вспотел. Я увеличил зум камеры на максимум так, что было видно, как помадная линия блестит в свете хрустальной люстры, а ещё я видел, как бьётся брюшная артерия, сотрясая мягкую рассыпчатую кожу на животе.

Точно такие же линии пролегли по бедрам, по обеим сторонам паха, по предплечьям, а запястья женщина и вовсе исполосовала до самого сгиба локтя.

Она подошла к зеркалу и долго смотрелась в него. Она трогала себя в тех местах, где краснели нарисованные линии, она проводила по паху, по шее, откидывала волосы назад. А потом заплакала. Тело дрогнуло, ноги, видимо, подкосились, и женщина упала на пол. Она

сидела, закрыв лицо ладонями, и тряслась.

Потом пошла в ванную и смыла красные линии. Погас свет. Я ретировался.

2

— И кто ты сейчас? Ловец бездомных псов? Дезинфектор? Почтальон? Кредитор? Или до сих пор конфискованные машины через посты прогоняешь?

Ему было тридцать пять, и звали его Лёня Дугликов. Мы звали его Дуглас, и было это будто миллион лет назад, в другой жизни, когда меня ничто не интересовало, кроме моего писательского будущего. Дуглас размахивал руками и чуть не задел худенькую девушку за соседним столом. Он косо посмотрел на неё и подвинул стул ближе к блестящему круглому столу. Мы пили пиво в баре, было за полночь.

— Сейчас пороги околачиваю...

— Опять романчик пишешь?

Что я тут делаю? — всплыл вопрос, и его задал кто-то другой, не я сам, а тот, кто сидел на соседнем стуле, бесплотный и невидимый. Этот кто-то, он тоже я, и он всегда задаёт подобные вопросы. Он словно сваливается с неба в самой середине чего-нибудь эдакого, он крутит головой и спрашивает: это что? Почему я тут?

— Пишу, — вздохнул я, оглядывая потрёпанные занавески на окнах, и интерьер в стиле средневековой забегаловки. Кирпичи.

Дуглас — он не друг, но что-то в нём есть от меня. Общее, понимаете? Его бросила жена, переспав с другом. С другом Дугласа. С начальником Дугласа. И он не любит людей. Мне они безразличны, а он их ненавидит. Дуглас — словно моя чёрная сторона, и, когда мы с ним пропускаем по кружечке пива в баре, я могу видеть, каким можно стать, если начать безразлично относиться к людям втрое больше, чем это делаю я. Их можно начать ненавидеть.

— И обиваешь пороги, — кивнул он. — Лучше бы опять возвращался к нам. Мы теперь деньги считаем каждую неделю. Лохов стало втрое больше. Каждый так и норовит облапошиться! Давай, а? Помнишь? Списанные детали, ночные вылазки на склады, адреналин... Знаешь, директор о тебе только с теплом вспоминает. Говорит про Бегемота словно песню поёт! Вы с ним часом не любовнички, а? Шучу, шучу! Говорит, мол, так, как Бегемот впаривал этим лохам убитые масляные фильтры, так никто не может! И, знаешь что скажу? А он прав, старый пёс! Давай обратно, а?

Что ты тут делаешь? — спрашивает бесплотный я. — Посмотри на него. Он жалок. Он работает в автомастерской, он заменяет сломанные детали автомобиля на дешёвые подделки из стран третьего мира. Он выдаёт их за неповторимый оригинал. Он жалок потому, что своё горе считает самым высшим горем на земле, и из-за этого все люди на земле — мусор.

А разве нет?

Он из другой твоей жизни, которую давным давно следует перечеркнуть. Теперь есть только женщина за стеклом. И почти два миллиона...

Боже... Так много?

— Эй? Дружище, ты как?

Он не считает меня другом, он просто так...

— Я — пас. Кружки пива с тобой, ровно раз в неделю вполне достаточно, поверь.

Дуглас тихо смеётся, брызгаясь слюной. Его кудри трясутся, большой рот и правда открывается до самых ушей, уголки глаз мокнут. Он думает, что я шучу.

— Ага. Взаимно.

С каждой кружкой меняется разговор. Из меня вылезает в несколько раз больше слов, Дуглас всё больше подбирается к своей излюбленной теме: бывшая жена и его друг, старенький директор, Виктор Павлович. Бывший друг, его начальник...

— ...ты же знаешь, я его всегда не любил, — говорит Дуглас. — Ненавидел... да...

Людей в баре больше, и все изрядно пьяны. Несовершеннолетние потаскушки кричат всякую дрянь, их оголённые титьки трясутся, а их созревшие для совокупления самцы, лоснятся и радуются, извиваются будто змеи. Неподалёку сидит шумная компания зрелых мужиков, и они, кстати, тоже смотрят на молодое мяско. Мне противно. И всё равно... В конце концов, это же люди. Просто люди.

— Да ты... — говорю я и забываю, что хотел сказать.

Ваш разговор похож на мыльную оперу по ящику с помехами. Магнитные бури над Хуаном и Октавио, — смеётся бесплотный я. Но он быстро становится серьёзным и подпирает кулаком голову, его глаза слипаются. — Пошли домой, а? Так много людей, мне не по себе, будто в вакуум кинули.

— Что я? Этот говнюк даёт мне всё меньше работы! — трясёт кулаком Дуглас. — Когда рядом был ты, и мы работали... было хорошо. А теперь... самые дешёвенькие заказики. Поменять масляный фильтр, или "посмотреть, что там трещит!". Тварь старая...

— Как твоя жена?

Дуглас на секунду замирает с кружкой пива, а потом кивает и опускает длинный нос в неё. Утерев пальцами пену с губ, он говорит:

— Даёт видится с сыном раз в пару недель. Мне достаточно...

Он сильно ударил по столу рукой, тарелочка с арахисом подпрыгнула и зёрна разлетелись в разные стороны.

— Не достаточно! — орал Дуглас. — Как тварь... ты когда-нибудь хотел... да кому я говорю! У тебя даже бабы никогда не было!

Мы вышли на улицу. Был час ночи. За нами телепался бесплотный я, но он чувствовал, что скоро будет дом и тишина, поэтому задавал вопросов всё меньше.

И вдруг мне захотелось рассказать. Всё рассказать. Я даже забыл, что Дуглас ненавидит людей. Женщина стояла перед глазами. Её образ маячил в голове весь вечер, пока я слушал товарища, его истории про работу и про шлюху жену. Бывшую жену. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться, понимаете?

— Я соврал тебе. Я нихрена не пишу.

— А то... Так я и думал.

Мы заказали такси и ждали машину у обочины, рядом с баром.

— Я работаю, Дуг.

Он встрепенулся.

— Ах ты, зараза! Кем?

— Я...

А, правда, кем?

— Наверное, частным сыщиком.

— Наверное?

Интерес Дугласа рос всё больше, и он словно протрезвел. Старая тошнотворная песня про то, как старик-директор "долбит его Катюшку в очко" наконец-то, закончилась.

— Наверное, — кивнул я. — Я слежу за людьми...

— Вот Бегемот! Ты всегда что-нибудь да придумаешь...

Он снова зашёлся в беззвучном смехе, тряся кудряшками. На секунду я усомнился в правильности решения открыться ему, но потом подумал: а чего теряю? Всё равно больше некому...

— Только... Блин, старик, я ничего не понимаю.

— Платят как? — спросил Дуглас, успокоившись.

— Хорошо. Только...

— За кем следишь? Стой... хорошо, то есть... прям хорошо, хорошо? Как у нас, или..

— Больше.

— На...

— Намного больше, — кивнул я. — Ты слушаешь?

Он быстро закивал.

— Да, да, конечно говори. Стой... устроишь меня?

— Мы оба знаем, что ты не уйдёшь от старика.

Что правда, то правда. Он слишком любит бывшую жену, чтобы проститься с её любовником.

— Это посмотрим...

— Я слежу за женщиной...

И я рассказал. В гомоне пьяных мужчин и женщин, мальчишек и девчонок, в смраде пьяной массы, мои слова звучали нелепо и дико. Но они отгородили меня, они будто вернули ту женщину, её белое тело и мягкую кожу.

— Бред какой-то, — фыркнул Дуглас. — Такого не бывает. Всегда есть смысл слежки. Нельзя просто снимать бабу, которая занимается не пойми чем. Это... это никому не интересно.

— Кому-то же интересно!

— Они там извращенцы, поверь мне! Мало того, что это противозаконно, так ещё и... и... бред! — он качал головой.

— Только это секрет, — хотя мне слабо верилось, что Дуглас сохранит всё в тайне. Только у него не было друзей, а те, кто с ним работает, вряд ли ему поверят. Дугласа не очень ценили на работе... и в жизни. Ну, знаете, эти люди, которые не умеют шутить, не умеют правильно и чётко выражать мысли, не имеют ничего. Это Дуглас. Человек-тень. Бесплотный друг самого себя.

— Конечно! А эта... которая тебе деньги приносит... ты её, всё-таки, спроси. Ты имеешь право, понимаешь? Нельзя следить за людьми, и ничего не знать. Она тоже, кстати, тварь, я не говорил ещё?

— Пока нет.

— Эта бледная дамочка, она тварь.

— Спасибо за совет.

3

Она передала мне тугой конверт без надписей, и я убрал его в карман. Мы сидели в светлом кафе, окружённые школьниками и студентами, пирожными и горячим кофе. Мы, длинный мужчина с лысиной на макушке и женщина, закутанная в прочную ткань делового костюма, с бледными щеками и огромными очками, мы привлекали внимание и выглядели, как парочка, сбежавшая из психушки. Но это никого не волновало.

— Осталось совсем чуть-чуть, — сказала Бледная. Её чёрные губы раскрылись и издали щелчок, как будто до этого дамочка молчала пару недель. — Ещё вечер или два.

Ну, нет. Теперь ты так просто от меня не уйдёшь! Обычно, после сказанного, она вставала и уходила. По негласному правилу я уходил через десять минут. Однако, в тот раз я схватил её за запястье. Холодная и сухая кожа Бледной покрылась мурашками, белые щёки дёрнулись, а губы скривились.

— Отпустите меня. Достаточно просто попросить, и я останусь. Не стоит прикасаться. Ей было противно. Когда я убрал руку, она поднесла запястье ко рту и поцеловала его.

— Да, есть вопросы, — кивнул я. — И на этот раз откупиться не получится!

— Я никогда не запрещала спрашивать.

— Однако, ты предложила деньги в тот раз, помнишь?

— Вопросы не желательны, но никто не запретит вам спрашивать. Вы же свободный человек.

Я перевёл дух. Почему-то мне казалось, что она разозлится или вообще уйдёт, оставив меня без ничего. Но она ждала.

— Кто та женщина? Для кого я снимаю? Что с ней происходит? — выпалил я и посмотрел по сторонам, но посетители не обращали никакого внимания на нас.

— Конечно, — кивнула Бледная, не отрывая от меня глаз за огромными очками. — Вы имеете право знать. Конечно.

Она долго смотрела. Каменное лицо, вдруг подумалось мне. Лицо, высеченное из гранита, неживое. Словно за краской и очками — пустота. Помните старый фильм про человека-невидимку? Мне, вдруг, захотелось взять салфетку со стола, намочить её и стереть краску с лица женщины. Я бы не удивился, если бы там ничего не оказалось, только воздух и запах кофе, смех школьников и крики студентов.

— Только, если вы узнаете правду, мы будем вынуждены с вами расстаться, — отчеканила она. — Есть работа, смысл которой легче не знать. Иначе, этот самый смысл теряется. Мы не стали заключать с вами официального договора, а теперь я вижу, что стоило бы.

— Договора? — я рассмеялся. — Вы следите за людьми, нарушаете закон, и говорите слово "официальный"? Да вы там точно все больные!

Она не шевельнулась. Ещё немного помолчав, Бледная продолжила говорить, как будто не заметив моих слов.

— Я повторюсь: если вы узнаете правду, то будете уволены. Мы думали, что не ошиблись в вас. Вы — подходящая натура для этой деятельности. С прошлыми наёмными агентами мы заключали договор... официальный договор. И там был пункт о разглашении тайны, или получении информации о клиентах, о тайнах работы и прочем. В случае нарушения его, или добровольного проявления интереса, агент обязан вернуть пятьдесят процентов заработанного.

Я фыркнул.

— Очень умно!

— Люди — любознательны и любопытны. Мы должны как-то обезопасить себя. Документ... договор, имеет юридическую силу. Выбор прост: либо деньги, либо знания.

— Юридический? Чушь! Как это может быть законно?

Она опять не ответила. Я начинал выходить из себя.

— И что? Как они поступали?

— Выбирали деньги.

— А мой договор? — я приблизился так близко, что наши носы почти касались, но

Бледная даже не отвела лица.

— Мы посчитали, что вам он не нужен.

— Это ещё почему?

— Вы спокойны... люди вам не интересны.

Я отодвинулся.

— Это ещё откуда...

Она хлопнула рукой по столу. Еле слышно, но так резко, что я заткнулся.

— Выбор за вами. Что вам важнее: мечты и деньги, либо мимолётное знание и удовлетворение простого любопытства?

Она скрестила пальца рук, и всё так же хладнокровно смотрела на меня.

Что ж... В самом вопросе и звучал ответ. Наверное, я просто запарился, запутался... Та женщина, она мне никто, и таких женщин миллионы. Та женщина — она за стеклом, она далеко, и мы не знакомы, а деньги, они вот... рядом... в нагрудном кармане кожаной куртки.

— Деньги, — произнёс я, и, почему-то, удивился.

Бледная встала. Опять, словно ничего не происходило, она сказала:

— Свет в квартире не включайте, ничего не трогайте и запирайте за собой дверь.

Я махнул рукой. Каждый раз одна и та же фраза на прощание.

4

Люди живут неправильно. Тычутся не туда, ищут не того, они слишком мелочны, чтобы прожить жизнь достойно. Никогда вы не бросите труху, которую называете существованием, и не отправитесь в далёкие страны, не совершите глупостей потому, что это, по-вашему, не правильно. Нужно каждый день работать, бояться, подчиняться законам. Законы, кстати, пишут такие же смертные, как и мы с вами, такие же, из плоти и крови. И мы подчиняемся. Миллионы и миллиарды людей вокруг. Они просто подчиняются.

В отличие от Дугласа, я ненавижу только себя, а остальные проходят мимо. Я ненавижу себя за то, что такой же, как и все. Человек с обычными страхами быть непонятым, человек, который никогда не раздвинет границы и не выйдет за них.

Я завидую тем, кто бросает всё и идёт в путешествие через всю страну, тем, кто прыгает с самой высокой горы без страховки и с одним лишь парашютом, тем, кто, не боясь, рискуют и отдают всё, чтобы получить ещё больше. Такие люди понимают мир и человеческое существование. На таких людях держится всё. А мы — фундамент, клейкая масса цемента и бездушные кирпичики. Нами строят, нами управляют. И я ненавижу себя за то, что боюсь потерять. Потерять, ничего не имея. Смешно, правда?

Я смотрел на женщину. Я вспоминал себя и анализировал, оценивал и копался в собственном сознании. Она — такой же кирпич, и это было понятно, но отчего-то, невозможно этого отрицать, незнакомка интересовала меня, завораживала. Наверное, это простой интерес и любопытство — ещё одна черта массы.

Картинки. Тем вечером, который Бледная обозначила, как последний, женщина зашла в квартиру, держа на руках маленькую собачку. Щенок коричневого цвета. Я приблизил зум. Лицо незнакомки выглядело усталым. Она поставила щенка на пол и стянула с себя одежду. Пёсик тыкался чёрным носом в углы, покачивался на неокрепших ногах.

Женщина вышла из ванной, всё в том же халате, прошла на кухню. Она поставила на пол белую миску и наполнила её молоком. Щенок жадно припал к еде, а женщина присела рядом с ним. Она запустила руку в мокрые ещё волосы, провела пальцами по ушам, а потом ударила себя по щеке.

Я отодвинулся от экрана. Казалось, будто звон пощёчины долетел и до меня. Щенок поднял на женщину морду, а потом снова продолжил трапезу. На щеке у блондинки остался красный след. Она подняла голову к потолку и тяжело выдохнула.

А потом... блин... потом она встала на четвереньки и припала губами к миске. Я сморщился. Щенок пытался просунуть голову к молоку, бегал вокруг, но женщина вылизывала остатки, а потом, когда ничего не осталось, она ударила по миске рукой, и та отлетела в угол.

Женщина взяла щенка и отнесла его в ванную. Потом легла на кровать, распахнула халат, как и пару дней назад, и начала поглаживать себя. Я уже знал, что будет дальше. Её рука поднялась и дотронулась до сумочки, пальцы скрылись в ней.

Но в свете хрустальной люстры сверкнула не помада.

Нож.

Я вспомнил красные линии на её теле, нарисованные помадой. Рисование ножом по телу ещё не приводило ни к чему, кроме как к смерти. Если это и есть завершающая сцена спектакля, если это и есть цель всей слежки, — запечатлеть, как сумасшедшая женщина кончает жизнь самоубийством, то я не хочу в этом участвовать.

Удивившись этим мыслям, я пощупал их губами, попробовал на вкус, словно сомневался, что они принадлежат мне.

— Я не хочу в этом участвовать, — сказал я пустой комнате.

Женщина игралась с ножом и примеряла его на белой коже. Острый блестящий кончик дотрагивался до живота, превращался в маленькую чёрную точку, и, каждый раз, когда она касалась сталью себя, я вздрагивал и отводил глаза. Вот-вот, полоснёт, лезвие распорет тело, хлынет алая кровь, такая яркая по сравнению с белоснежной кожей.

И она плакала. Она билась в конвульсиях, слёзы текли по щекам, лицо превратилось в жуткую гримасу боли и отчаяния. Живот напрягся после каждого спазма.

Что может быть проще, чем остановить себя? Ты сам. И я оказался сильным малым. Я бежал три пролёта, перемахивая через перила; я пересёк двор, и брызги от грязных луж летели в разные стороны; я ворвался в её подъезд и пытался собрать разбегающиеся мысли в единое целое. Пятый... пятый этаж.

Квартиру оказалось найти сложнее. На пролёте было три двери, и я постучал наугад, в первую попавшуюся на глаза с тем расчётом, что, уж если и ошибусь, то соседи обязательно подскажут, где живёт блондинка.

Долго не отвечали. Я постучал ещё. Сильней. Что-то мне подсказывало, что я не ошибся.

Долгое томительное ожидание. Самоубийца тяжело понять, а их действия подчинены хаосу. Всё зависит от искренности чувств. Женщина не казалась обманщицей, её слёзы были настоящими, а нож острым и твёрдым.

Тишина пугала. Возможно, за дверью никого, или она уже совершила свой сумасшедший обряд, но надежды я не терял. Не знаю, что тогда нашло на меня. Я никогда никого не спасал, но эта женщина...

Просто интерес... просто нельзя снимать самоубийство, не постаравшись помочь, правда? Мне безразличны люди, но я не садист...

— Да?

Ноги подкосились, и я не сразу нашёлся, что ответить. Голос с хрипотцой, немного запыхавшийся. Сомнения испарились окончательно, это была она.

— Кто там?

Безусловно, она смотрела в глазок и прекрасно видела моё лицо. Неизвестный посетитель в первом часу ночи, что может больше испугать и насторожить? Наверное, я поддался панике. В тот момент на ум пришла странная догадка: а не погорячился ли я? Возможно, женщина и не собиралась себя убивать, а я взял и всё испортил, поставил под угрозу тайну слежки!

— Вы... — начал я и понял, как же глупо выгляжу. — Наверное, я ошибся дверью.

— Наверное? — её голос, словно мутный хрусталь, показался мне таким необычным, словно из другого мира со мною общались пришельцы. Из мира за стеклом.

— Простите.

Я уже собирался уйти, но щёлкнул замок, и дверь со скрипом отворилась. Показалась её голова, обрамлённая ещё не высохшими волосами, она смотрела на меня чуть раскосыми глазами, маленькие губки слегка дёргались, как будто женщина не могла понять, какую эмоцию выбрать.

— Вы — маньяк? — спросила женщина.

— Я просто ошибся дверью.

— В час ночи? Мавроди врал убедительней, — улыбнулась, наконец, она.

— Мавроди врал, как дай боже каждому, — сказал я. — Мне пора...

— А, всё-таки?

Но я уже уносил ноги, перескакивая через две ступеньки.

— Я запомнила вашу лысину! — крикнула женщина мне вслед и, почему-то, рассмеялась.

Я вернулся в квартиру и свернул оборудование. Её смех. Он застрял в голове. Она либо сумасшедшая, либо сама маньячка, каких только поискать!

5

Бледная была одета в чёрный пиджак и такого же цвета юбку, чуть выше колен. Её белые худые ноги с торчащими коленками и капроновые телесные колготки напоминали учительницу средних классов, свято верующую в пришествие Иеговы.

— Последний материал... клиент доволен. Очень. Bravo.

Я с грустью осознал, что не удосужился посмотреть, что же происходило в квартире женщины, пока я пытался спасти её.

— Как будто тут есть моя заслуга, — сказал я, потягивая несладкий чай.

Место напоминало обычную столовку. Тут не продавали алкоголь, зато торговали соевыми котлетами и недоваренным рисом, подсохшими макаронами и свиными отбивными, резиновыми и безвкусными. Вокруг, за круглыми маленькими столиками, чавкали и громко разговаривали работяги в строительных робах, комбинезонах и военной форме.

— Конечно же, есть. Вы рискуете, вы не спите ночами, вы не знаете ничего о работе, которую выполняете. Что может быть сложнее? — её лицо по-прежнему было непроницаемо, и ни один мускул не дрожал, пока она говорила.

Я кивнул. Мне было плевать. В голове стоял образ блондинки, её нож и голое белое тело, а ещё смех, который летел мне вдогонку с верхних этажей.

— Главное, не нарушать правила, — почему-то сказала Бледная. — Следующий объект...

Она достала из внутреннего кармана необходимые бумажки и адреса, а потом замерла и

посмотрела на меня.

— Если вы не хотите...

Бледная сверлила меня глазами, которых я никогда не видел.

Хотел ли я? На этот вопрос однозначного ответа не существовало. Существовали тайны, и они не давали мне покоя. Если бросить сейчас всё и начать писать книгу, то я так никогда и не узнаю, что за хрень происходит, и зачем я в этом участвую.

— Возможно... — я поёрзал на стуле, — ещё один заказик я выполню.

Она кивнула, как будто ничего другого не ожидала, а вопрос о дальнейшем желании работать служил простой формальностью.

Ещё один заказик, а потом я потребую правду! И уволюсь...

Конверт я даже не вскрывал. Бледная позволила взять пару выходных, поэтому я решил на время заняться своим любимым делом — затворничеством.

Задвинув шторы, я сел за компьютер. Неповоротливый экран компьютера мигал белым листом, гудел, как паровоз, отчего сотрясались полы моей съёмной квартиры. Я начал клацать по клавиатуре, и напечатал посередине листа "Глава 1".

Начинал я работать с великим энтузиазмом. В шкафу, расфасованные по конвертам, лежали кучи денег, которых с лихвой хватило бы на издание книги и на её продвижение. Даже осталось бы...

Но, кроме "главы 1", я так ничего и не написал. Сначала сидел и тупо смотрел на экран. В голове витала пустота, засохшая сахара чувств и мыслей. Спустя минут пятнадцать, я проморгался, и понял, что думаю о чём угодно, только не о книге.

На столе телефон начал вибрировать и ползать, как майский жук. Звонил Дуглас.

— Ага?

— Эта сука... эта тварь...

На том конце трубки шумел ветер, и я ничего не разобрал.

— Что? Говори нормально... да... зайди куда-нибудь!

Ветер стих, и послышалось его прерывистое дыхание.

— Бегемот? Эта тварь... он выбросил меня с работы! Как шавку, понимаешь?

Нет. Только не это, — сказал бесплотный я. Он сидел на старом потрёпанном диванчике, смотрел в пустоту, как всегда всем своим видом показывая, что всё происходящее вообще не должно касаться меня, что я снова не в том месте.

— Бегемот? Ты слушаешь?

— Да... да. Знаешь...

Дуглас всхлипнул. Парень совсем расклеился. И он стал противен мне. Большую часть жизни Дугликов только и делает, что гонится за прошлым. Он стал тенью самого себя. Как будто настоящий Дуглас, весельчак и задира, пропал без вести.

— ... знаешь, он будет плясать под мои дудочки, этот старикан! Бегемот... слышишь?

— Да, да... Дуглас, я немного занят.

— Нет, только ты не прячься в панцирь, друг! Помнишь, ты говорил о своей новой работе?

Ну, вот, — хихикнул другой я, — он растрезвонит об этом каждому, с кем будет встречаться. Зачем ты ему рассказал?

— Дуглас, это секрет, забыл?

— Я помню, помню, Бегемот. Дело не в этом. Там у вас есть вакансии, а?

Я обомлел. Захотелось просто кинуть трубку, закрыть дверь на замок и спрятаться

подальше от людей. Мой отец так и сошёл с ума, общаясь и помогая людям. Деревенский психолог, мать его раз так! Чужие проблемы — они, как густой ядовитый воздух, ими нужно дышать редко-редко, или вообще не дышать.

— Я... я спрошу и позвоню тебе, хорошо?

— Да! Да, было бы неплохо. Вся эта ситуация, понимаешь, она меня в говно превращает. В гнилое вонючее дерьмо. Мне так противно. Может, встретимся? По кружечке, а?

— Я сегодня на смене, понимаешь?

— О, хорошо. Но обещай, что сразу же позвонишь мне, идёт?

— Честное пионерское, Дуглас!

Наконец-то, он отключился, и я снова вернулся к чистому листу и экрану монитора. Однако, ужас приходил постепенно. Бесплотный я всё хихикал за спиной и говорил:

Тебе нечего писать! Чтобы писать, нужно знать людей, нужно хоть чуточку их любить, или, хотя бы, разговаривать с ними...

В моей жизни было немного знакомых или товарищей. После школы я поступил в техникум, а, окончив его, сменил, по меньшей мере, с десятков профессий, которые не приносили ни радости, ни денег. Механики, клерки, охранники, почтальоны, дорожные рабочие... От них тошнило, и всех их можно нарисовать под одной личиной, с одним и тем же именем. Теперь мне кажется, будто то был один и тот же человек, меняющий униформу. Нечего вспомнить, кроме повторяющихся историй о женах, семьях, тачках, деньгах и ещё раз деньгах. О деньгах они могли говорить сутками, не переставая. А всё потому, что их никогда не хватало.

Можно подумать, они могли бы стать чуточку интереснее, если бы говорили о высоком искусстве или тонкостях классического рока, или философствовали, или разбирались в психологии, или знали бы всё о членистоногих и могли рассказать о неизвестных пауках... Например.

Нет. Они бы никогда не стали интереснее. Для меня — точно.

И я смотрел на мигающий курсив. Я ужасался, как много нужно для написания книги. И деньги — это ещё полдела, если вы, конечно, не обладаете армией "литературных негров".

Я мог рассказать об отце, Сергее Петровиче Бегемотове. О том, как он сначала работал терапевтом в местной деревенской клинике, а потом решил, что может помогать людям и словами. Он утешал, давал советы, дарил надежды отставшим от жизни селянам. Он знал, как заставить тракториста забыть о самогонке, как приструнить гулящую жену, как справиться с подростком, которому грозит постанова на учёт. Я мог написать, как по ночам в нашем доме, без умолку трещал телефон, а отец, в одних трусах и с сигаретой в зубах, говорил соседке Зинке, или Петьке Безноготу, как лучше, и как хуже, что нужно, чтобы... и как сделать, лишь бы не... Я мог бы рассказать, как ему были благодарны все две тысячи жителей деревни, как ему несли подарки, как молодые девушки и не очень, предлагали ему в качестве расплаты своё тело. Да, да. Я мог бы рассказать, как мать начала пить, как она долгими зимними вечерами бурчала себе под нос, склонившись над грязным столом, что люди — это грязь, и все их проблемы точно такая же грязь, как и они сами. А отец пропадал на работе, и не существовало для него ничего, кроме людей. Душевные и физические болячки превращались в благодарность. Но, по мере того, как его успех рос, росли и людские признания. Они начали доверять ему настолько, что вытаскивали из шкафов самые пыльные и тощие скелеты, самую противную правду и самые тёмные секреты...

Я мог бы рассказать, как он однажды пришёл с работы и повалился на диван. Звонил телефон, но отец не подходил к нему. Я помню, как мать, грязная и пахнувшая перегаром, пристала к отцу с расспросами.

"Почему ты ещё не у телефона? Твои проститутки хотят рассказать, как тяжёл климакс!".

И отец начал говорить, а я подслушивал, сидя в комнате. Он говорил, и я не мог поверить своим ушам. А мать села на край дивана, и её глаза были похожи на мутные выпученные фонарики. Было темно, мы никогда не включали свет после десяти вечера.

Я мог бы рассказать, как детей закапывают в землю, совсем малюток. Потому что жрать нечего, и лишний рот — угроза для всего пятиголового семейства. И это семейство копало яму. Все пятеро, дружно, спасаясь от нищеты и голода, рыли канаву. Плакали и рыли, молча. А потом они положили туда свёрток с уже холодным телом. А потом они плакали, обнявшись на его могилке...

Я мог бы рассказать, как сестра родила от брата, как муж сломал несколько рёбер жене, и та осталась калекой на всю жизнь. Как председатель администрации крутил любовный роман с девятиклассницей, и как она делала аборт.

Я мог бы ещё много рассказать того, что ОНИ говорили отцу. Они, доверявшие ему больше, чем себе, говорили и несли свои чёрные и мрачные истории, своё прошлое, от которого не убежишь. И отец, возможно, был первым и единственным человеком, кто слышал их, и они ждали от него совета. Они ждали, что за три слова, сказанные терапевтом, ужас и страх, омерзение превратятся в утешение и оправдание своей мерзости.

Но такое прошлое не отпустить. И я мог бы написать, как отец не смог уйти, не смог сбежать. Как он пытался намекнуть людям, что уходит на покой, что больше не станет им помогать советом и не станет подрабатывать нештатным психологом. Но они только озверели. Они посчитали, что их обманули, что терапевт просто надул их, расковырял гнойную рану и скрылся. Я мог бы рассказать, как ему снились кошмары, как он просыпался с криком и в холодном поту. А потом, когда начали сыпаться угрозы, папа просто сошёл с ума, так и не оправившись от потрясения. Вот они, людские проблемы...

И Дуглас, со своим дерьмом... Как бы ты не бежал, они настигнут тебя и станут плакаться, умолять, класть тебе на плечи слёзы и чёрные уголки их души будут капать тебе на макушку чёрной смолой из пороков и ничтожеств.

Я закрыл документ, так и не написав ничего. Я знал о людях только плохое, да и то мне было безразлично.

И ещё я подумал, что проще простого отпустить прошлое. Но, раз ошибившись, будешь оступаться постоянно, а это значит, что придётся постоянно обрезать концы. Да уж, человек — ничтожество, и это точно.

6

Минуло два дня. Минули глупые мигания глазами в потолок, созерцание глупых передач по ящику; минули звонки от Дугласа, на которые я не отвечал.

Встреча с Бледной произошла в жуткой забегаловке, где на рогах ползали самые отчаянные и опустившиеся пьянчуги. Ничего не говоря, она сунула мне конверт и ушла.

Я вернулся домой и распечатал его. Всё, что нужно: фотографии, адреса...

Уже в шесть вечера (решил прийти пораньше и ознакомиться с местностью) я сидел в тёмной квартире, более просторной, чем прошлая. В тусклом свете я увидел дорогой телевизор, картины в резных рамах на стене и кожаный диван.

Нацепив бахилы, я прошёл на балкон и без труда отыскал нужно окно в доме напротив. Пришлось ждать очень долго. Свет в окне загорелся около полуночи, и спустя некоторое время я увидел парня и девушку. Молодые и красивые. Они улыбались, о чём-то говорили и, кажется, были пьяны. Мужчина, как и подобает, шатался сильнее, чем девушка, и она всё время пыталась удержать его на ногах. Они смеялись, игрались, как играют в брачный сезон лев и львица. Он был красив, силён, высок и строен. Загорелый брюнет с накаченным торсом. Девушка, худенькая и маленькая, с копной рыжих волос, напоминала героиню из старых диснеевских сказок; ту, что всегда попадает в передряги и просит защиты и помощи. Глядя на них, я не мог понять, что могло заинтересовать заказчиков. Разве что бурные секс, которым они занялись, не выключая света. Жизнь этих молодых людей казалась идеальной и счастливой. Даже спустя два часа съёмки, в квартире царила беззаботность и веселье. Около четырёх утра свет погас, и я свернул аппаратуру.

На следующий день мы встретились с Бледной. Она передала мне конверт с деньгами. Я вспомнил про Дугласа, но не смог начать разговор, ведь это бы означало рассказать ей, что тайна слежки нарушена мною. Хотелось помочь товарищу. Я даже слегка его пожалел, представив, как любовник жены вышвыривает с работы бедного Дугласа.

— Странная парочка, — сказал я, когда она собралась уходить.

Бледная задержалась и глотнула остывший кофе.

— Хотите чего-то?

Да, конкретней человека я не встречал. Вот, кто действительно предан работе.

— Я подумал... — начал я, — а не нужны ли нам ещё сотрудники?

Она скривилась. Впервые за долгое время, Бледная показала, что может двигать лицевыми мышцами.

— Не поняла?

— Ну... мне не помешал бы сменщик. Работать по ночам — не так уж и просто.

— Если вас не устраивает... я уже говорила, что нет ничего проще расторгнуть контракт и попрощаться!

Но нам нужна разгадка, правда? — ухмыльнулся бесплотный я, появившийся за соседним столиком, рядом с двумя девушками. — Нам нужна та блондинка и её секреты! Засунь себе в жопу свои правила, сука тощая!

Бледная повернула голову в сторону девушек, а потом снова обратилась ко мне.

— Есть кто-то на примете? — спросила она.

Это было так неожиданно, что я чуть не рассказал про Дугласа и про его горе.

— Да нет... не особо. Товарищ лишился работы и теперь ноет постоянно.

— Надеюсь...

— Нет, нет! Конечно, нет. Он вообще думает, что я безработный, — сказал я.

Она покачала головой.

— Нет.

7

Уже на следующий день слежки, я понял, что всё не так просто, как кажется.

До полуночи дела у молодой пары шли более-менее хорошо. Она вошла первая, в пальто и джинсах. Разделась и сразу же принялась готовить ужин. Девушка ловко управлялась с посудой, шинковала и резала овощи, двигалась элегантно, будто танцевала на сцене Большого театра.

Еда уже дымилась на столе, когда в дверь, кажется, постучали, и она побежала

открывать. Коридор находился прямо напротив кухонного окна, поэтому мне всё было прекрасно видно. Он, сильный, в спортивном костюме и с сумкой на плече, обнял и поцеловал её, а потом отправился в душ.

Они ужинали и говорили. Я подумал, что неплохо бы устанавливать в квартирах скрытые жучки, которые смогут записывать звук. Но подумал об этом гораздо позже, когда пришло время сна. Вместе с ним пришли и тайны, а ещё ужас.

В одиннадцать погас свет, и я уже собирался уходить, но решил посидеть ещё немного. Напевая какую-то мелодию себе под нос, я думал о своём романе, и что неплохо было бы узнать людей поближе, но без прямого контакта. Может, стоило сходить в общественное место. Например, в библиотеку, где не так шумно. Или в тихое кафе. Сесть за столик и слушать, о чём говорят посетители...

В окне загорелся свет. Девушка сидела на краю кровати и качалась из стороны в сторону, прижав руки к груди. Свет включил мужчина. Он пересёк комнату и схватился за руки девушки. Приблизив камеру, я увидел, что в руках она держит свёрток, похожий на... очень странно, ведь я не замечал в их доме младенца. Просто не мог упустить этого!

Девушка никак не хотела отдавать свою ношу, она прижала голову к свёртку, и парню пришлось напрячься, чтобы разжать её руки.

А потом свёрток полетел в угол, и девушка, закричав, кинулась туда, но парень схватил её за ночную рубашку и постарался прижать к себе. Она рыдала, что-то говорила с закрытыми глазами. Наконец, мужчина обнял её и начал успокаивать, поглаживая по голове.

Но меня волновал свёрток. Он лежал в углу, не подавая никаких признаков жизни. Я даже вспотел, пытаясь разглядеть его.

Он уложил девушку на кровать, и она сразу же, свернувшись калачиком, замерла. Мужчина подошёл к свёртку и одной рукой, небрежно, схватил его. Узлы размотались, и я увидел, что это просто смотанная в куль одежда. В ней ничего не было...

Свет погас окончательно, и уже не горел до самого утра.

Следующий день выдался таким же ярким на впечатления. Бледная позвонила рано утром и сообщила, что сегодня нужно снимать целый день, пока в квартире не погаснет свет. Конечно же, она не объяснила причин, но, когда я оказался в доме напротив и заглянул в соседние окна, то всё понял.

Парень остался дома. Загорелся красный огонёк, и началась запись. Следующие часы я провёл в жуткой скуке, разглядывая апартаменты, которые служили своеобразным операторским креслом. Парень смотрел телевизор, потом около часа отжимался от пола, потел на велосипедном тренажёре. И всё это приходилось снимать, дабы не упустить важные детали. И у них опять не было занавесок, что обеспечивало прекрасный вид и доступность.

Наконец, это случилось около семи вечера, парень зачем-то достал стул и начал копаться в верхнем ящике шкафа. Он что-то достал оттуда и понёс на кухню. Фотографии. Сняв их и сложив в кучу на большом блюде, он чиркнул спичкой. Огонь долго пожирал блестящую бумагу, а мужчина, не отрываясь, смотрел на пляшущие язычки пламени. Смыв пепел в раковину, он помыл блюдо и приготовился встречать возлюбленную.

На следующий день, проспав до самого вечера и не отвечая на звонки Дугласа, я приступил к съёмке в девятнадцать ноль-ноль. Девушки опять не было, а он бродил из угла в угол, словно беспокоясь о чём-то. Наверное, задерживается, понял я и стал ждать.

Сам того не замечая, я нервничал и переживал вместе с ним. Я поглядывал на часы,

провожал минуту за минутой, сокрушался, когда проходил час, потом другой, когда стукнуло десять, я вспотел и постукивал ногой по полу.

В двадцать два пятнадцать мужчина подскочил. Я и сам чуть не подпрыгнул на стуле и припал к экрану. Он открыл дверь, и в коридоре появились двое. Она и какой-то маленький мальчик. Совсем карапуз, лет трёх, не больше, одетый в синюю курточку и джинсы. Его крохотное лицо смотрело снизу вверх на огромного дядю, который что-то говорил девушке. А девушка улыбалась и кивала, поглаживая мальчишку по голове.

Ничего не понимая, я приблизил камеру. Его затылок и её нечёткое лицо, размытое, будто за пеленой грязной воды. Но я заметил дрожащий глаз и натянутые, словно сделанные из верёвки, губы.

А потом он толкнул её в грудь. Не сильно, но девушка, наконец, посмотрела на мужчину. Удивлённо, так... Она снова посмотрела на мальчика, а тот смотрел на них обоих, будто не понимая, что тут происходит, и как он вообще оказался в этой квартире. Меня вдруг поразила мысль, что ребёнок вообще не имеет никакого отношения к этим обоим, и впервые в жизни их видит. Какого чёрта она приволокла его в дом?

Пока я натягивал извилины, парень одел куртку, схватил мальчишку и попытался выйти, но она преградила ему путь. Её лицо снова скривилось, тонкие губки-ниточки поползли вниз, словно их кто-то потянул в другую сторону, а по щекам поползли слёзы. Она пыталась колотить ему в грудь, пыталась заслонить собой проход, но мужчина легко оттолкнул её и вышел.

Девушка кинулась за ним. Я ждал. Стучал ногой по полу, барабанил пальцами по камере. Она вернулась через минут десять, растрёпанная и плачущая. Повалилась на пол, прямо в прихожей, так же, как и прошлой ночью, свернувшись калачиком. Затихла.

Его всё не было, и она встала, исчезла в "мёртвой зоне". Такими местами я называю участки квартиры, которые не просматриваются, и камера не способна их увидеть. Ванная или другие укромные закутки. До сих пор всё самое интересное происходило на виду, как оно часто и бывает.

Когда девушка появилась, в её руках опять был свёрток. Она качала его, хотя из угла в угол по комнате, губы исполняли какую-то песню. Глаза, при этом, уставились в одну точку, куда-то поверх меня. Стало жутко. Я даже пригнулся, но девушка не замечала слезки, качая ворох вещей на руках.

Вернулся мужчина. Он посмотрел на неё и тихо закрыл дверь. Мальчика с ним не было. Он подошёл к девушке сзади и попытался обнять её за плечи, но она словно не замечала его, повторяя монотонные движения и подпевая.

Он отошёл и достал телефон.

Через полчаса мужчина открыл дверь, и на пороге появились трое мужчин в ярко-голубой форме.

Её увели в чёрный провал двери. Её, качающую на руках пустой свёрток вещей, аккуратно подталкивали, а мужчина шёл сзади... На улице стукнула дверь, уркнул мотор, и по дороге, слева, промчалась белая машина с красными полосами.

Бледная причмокивала горячим зелёным чаем, а я уплетал бутерброд с ветчиной.

— На этом всё, — она протянула конверт. Я убрал его во внутренний карман куртки. Триста тысяч за три дня. Неплохо, но по сравнению с двадцатидневной первой слезкой — сущие гроши.

Чавкая, я сказал:

— Странные предпочтения у заказчиков. Таких извращенцев поискать, а?

Я пытался вывести её на разговор и хоть немного узнать. Меня не волновали те, кто смотрит записи, меня волновали люди. Я допускал, что такое может происходить сплошь и рядом, но это никогда не выносится напоказ и, став случайным свидетелем, я не мог отделаться от мыслей и раздумий. Людская грязь снова и снова вставала передо мной, будто я повторял судьбу отца. И, как и отец, я начал понимать, как важен каждый человек на моих плёнках. Каждый человек, что скрывает свою жизнь за стеклом.

Но Бледная держалась ровно, как всегда.

Наблюдать за ними мне не доставляло никакого удовольствия, но я всё тянул. Я принял третий заказ. И, когда она, Бледная, протягивала мне конверт, то коснулась холодным белым пальцем моего запястья. Я даже вздрогнул.

— Отдохните пару дней. Будьте дома, хорошо? — её щёки напряглись, и я готов был отдать последнюю заработанную сотню, чтобы увидеть глаза за очками.

— Как любезно, — скривился я.

— Третий заказ. Юбилей, — она попыталась улыбнуться, и я понял, что с каждым новым конвертом Бледная проникается ко мне, начинает доверять, что ли.

— Да? Очень мило, как в маленькой корпоративной организации. Эдакие правила для извращенцев, верно?

Бесплотный я противно захихикал. Он стоял за её спиной, одетый в чёрную куртку и мешковатые зелёные брюки. Он так напоминал отца...

— Читайте, как угодно. Можно устроить и корпоративчик.

Я чуть не подавился сухим хлебом.

— Вы, я и куча извращенцев? Что мы будем делать? Смотреть видео? Наверное, в вашем архиве достаточно накопилось людского горя, а? Хотел бы я посмотреть, как они дрочат на это!

Она выждала, пока я договорю, а потом ответила:

— Только вы и я. Остальные нам ни чему.

— Где? — я готов был покатиться со смеху. Если бы не баснословные суммы, которые мне платили, я бы подумал, что это дикий лохотрон с сумасшедшей во главе.

— У вас дома, например...

— Мне надеть очки?

Она встала и ещё раз улыбнулась. Женщина-кремень, таки!

— Как хотите.

8

— Брат... господи! — Дуглас кричал в трубку. Его голос был похож на размазанный по асфальту мёд. Вязкий и сладкий. — Брат, я побираюсь, как настоящая мразь! Ты не поверишь, брат, вчера я сблевал на ботинки старика. Он выходил с работы, а я валялся пьяный под дверьми...

Дуглас медленно рассмеялся. Словно в старом магнитофоне зажевало плёнку.

— Я хотел ему сказать всё... хотел даже морду начистить. Но перебрал просроченного пива, и, только открыл рот... представляешь?

Я лежал на диване, смотря в потолок.

— Тебе нужно найти работу, Дуглас.

— Да, да... как там насчёт нашего уговора?

Я не мог больше тянуть. Сколько бы я не прятался от него, он конченный человек. Лучше ему знать правду, хотя она может прибить его окончательно.

— Они отказали.

— Ооо! — протянул Дуглас, словно под рёбра ему вогнали острое перо. — Ясно... Кому бы ещё сблевать, а?

— Дуглас, я серьёзно. Ты, наверное, забыл, что не только хороший мошенник, но и неплохой слесарь, верно? Устройся на первое время в какую-нибудь мастерскую, а там...

— Да нахера? — взревел он.

Послышался стук в трубке, словно товарищ свалился на землю. Потом долгое мешканье, кряхтенье Дугласа и...

— Да... да... — и он отключился.

В тот день должна была прийти Бледная. Маленький корпоративчик. Я усмехнулся, представив, как перед нами пляшет ансамбль, специально нанятый для этого дела, а мы сидим и хлопаем, пьем дешёвую водку за длинным столом, под гроздью разноцветных шариков.

Господи, какая чушь! Ага...

Ага, чушь! — бесплотный я игрался с занавесками, теребил их и повязывал ими голову. — Те, кто может платить по сто тысяч за обычную видеосъёмку...

Он вздохнул.

Они не могут заниматься чушью! Тут всё продумано. Возможно, ей что-то от тебя нужно, а, может, они заказали тебя? Не слишком ли много ты задаёшь вопросов? На кой тебе эти людишки? Вспомни, что они сделали с нашим отцом!

Он вскочил.

А, знаешь... ты проверял деньги? Возможно, это подделка, а?

— Я уже расплачивался ими в магазине. Пятитысячная, понимаешь? Их проверяют на специальном аппарате. Не подделка, будь спокоен.

Тогда ей что-то нужно! — не унимался он. — Ну, очнись! Ну не веришь же ты, что она и правда устроит корпоратив? Это же глупо! Какой-то фарс, ей богу!

Его порывистые речи прервал звонок домофона, и, когда я шёл открывать, то вспомнил, что никогда не давал ей своего адреса. Кажется, они имеют доступ ко всему на свете.

Бледная даже оделась по другому. Впервые в жизни я увидел на ней лёгкое чёрное вечернее платье и красивые туфли с шипами на шпильках. Однако, я не мог не заметить, что она стройна. Особенно понравилось глубокое декольте и ровная линия меж грудей. Бледная провела руками по круглым бёдрам и криво улыбнулась. Очки с лица никуда не делись. И бледная кожа. Всё осталось так же.

— Привет. Неформальная обстановка, да? — сказала Бледная.

— Ага. Лучшего места и не придумаешь.

Она разулась.

— Зато мы не привлекаем внимания. Это главное.

Она достала из чёрной сумочки бутылку вина. Я принял её и посмотрел на этикетку.

— Изабелла... А винишко-то лимитное, а? Я порой думаю, что вы с другой планеты. Все, кто там сидит.

Она не ответила, только улыбнулась.

— Идём на кухню. Отметим это дело.

Бледная села на стул. Она рассматривала тесную кухню, урчащий холодильник,

обклеенный стикерами из жвачек.

— А у вас довольно чисто.

Всё это напоминало встречу врагов на нейтральной территории. Я совершенно не понимал, что нам с нею делать и о чём говорить. Нет, это даже хуже. Враги хоть что-то знают друг о друге.

Разлив вино по бокалам, я предложил один ей, и она аккуратно взяла его белыми тонкими пальцами, сверкнул чёрный лак на длинных ногтях.

— Так, всё-таки, для чего мы тут?

— Отмечаем ваше назначение на должность. Официальное, — улыбнулась она и, кажется, прищурилась.

— О, спасибо, — кивнул я и залпом выпил содержимое стакана.

Бледная сделала то же самое и поставила хрусталь на стол.

— И мне, наверное, полагается узнать, кто вы такие и для чего я прячусь в пустых квартирах с видеокамерой? Для чего снимаю жизнь посторонних людей, а?

Она покачала головой:

— Нет. Об этом знают единицы.

Я присел напротив и посмотрел ей в лицо. Точнее, в эти огромные очки, за которыми скрывались глаза, добрая половина щёк и брови.

— Так нахера этот фарс? Ты считаешь, что я должен поверить в это? — я постучал пальцем по бокалу. — Или в то, что ты просто так пришла ко мне раздавить бутылочку винца? Вы там за кого меня принимаете, господа?

Она не удивилась. И я даже смутился. Скорей всего, ей приходилось сотни раз видеть подобное поведение подобных мне агентов. Я уже говорил, что люди в большинстве своём одинаковы, и теперь осознал, что и я, Бегемот, такой же, как и все, и веду себя точно так же, проявляю нетерпение и любопытство, словно молодая барышня, которая не может усидеть на месте, узнав, что рядом существует какая-то тайна.

— Никакого фарса. Во многих компаниях существуют свои традиции, и, зачастую, не очень логичные. Тайнство нашей организации не позволяет шумно праздновать и отмечать, однако мы стараемся, чтобы сотрудники чувствовали себя комфортно. Особенно вы, с вашей работой, в постоянном одиночестве и неведении, должны знать, что мы не забываем вас и ценим. И это должно проявляться не только в денежном вознаграждении. Вот поэтому я тут. Проявите терпение. Сейчас я не могу раскрыть всех карт. Хотя вы и доказали, что можете работать качественно, но доверие наше к вам недостаточно высоко, хотя с момента первой встречи, оно выросло. Поэтому я хочу сказать вам, что вы официально...

— Это я уже слышал.

Она словно вываливала на меня заученную речь. Я налил ещё по стакану, и мы снова выпили его залпом.

— Хорошо. Пусть будет так. Скажу тебе больше: за время этой... работы, я начал проявлять интерес к людям. А этого, как раз, мне и не нужно. Я хочу жить и думать, как раньше, понимаешь? Но... вы неплохо платите, и я на распутье.

Бледная смотрела на меня. Изучала, или посмеивалась, разве за огромными очками что-нибудь углядишь? Но улыбка исчезла. Снова появилось надменное выражение лица, по которому фиг что угадаешь. Так или иначе, ей не понравились мои слова, а это значит, что хоть какие-то эмоции она испытывать умеет.

Потом Бледная взяла бутылку и наполнила оба бокала.

— На распустье? — она подняла свой и осушила. — То есть...

— То есть я хочу отдохнуть. Пару недель. Дайте возможность потратить заработанное, а? Хоть на это я имею право, как официальный сотрудник без высокого доверия? А потом снова за работу. Сама понимаешь, увиденное мной — хрень не для слабонервных! Я должен привыкнуть, смахнуть с себя эту грязь.

— Но это же не ваша грязь, — сказала она. Тихо, тихо.

— Ошибаешься, — я выпил свой стакан и почувствовал, как голова начинает кружиться. — С людьми нужно либо тесно общаться и принимать на себя их проблемы, либо ну их всех на...! Иначе никак, милочка. Это жизнь. Если кто-то думает, что выслушает сопливую историю, или ужасное признание, и спокойно уйдёт, то он глубоко ошибается. С того момента, как люди поделились с вами проблемой, она становится частично и ваша. Поэтому у меня нет друзей.

Она кивнула.

— Вы не такой, каким кажетесь, — вдруг сказала Бледная. — И сами себя не знаете.

— Возможно, — я достал из холодильника кусок старого сыра и резал его. — Но я знаю, как коварны людские заморочки. Они, как маленькие крючки. В кожу впиваются и постепенно рвут, рвут! Нет, дорогая, мне нужен отдых. Если, конечно, после этого признания вы не уволите меня. И, знаешь... наверное, теперь... сейчас, я не хочу знать правды. Нет, не нужно. Да! Вот теперь я понял. Фух, будто с того света вернулся!

Я и правда обрадовался. Возможно, так действовал алкоголь, но настроение действительно улучшилось, осенний вечер заиграл новыми красками, и даже унылая погода за окном и серые лужи казались прекрасными и забавными.

Я говорил, а она сидела за спиной. Я говорил, а она аккуратно сняла очки и положила их на стол. Я не придавал значения глухому стуку, посчитав это всего лишь посторонним звуком. А зря.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда я повернулся, то открыл рот, выпучил глаза, и так остался стоять, с застрявшим в горле криком.

Вместо левого глаза на меня смотрел затянувшийся чёрный провал, бездна, скользкая агония. Правый — маленькая щелочка, вокруг которой была лишь сморщенная кожа и ничего больше. Та часть лица, что скрывалась совсем недавно за очками, напоминала расплавленный и снова застывший пластмасс. Уродства переходили в толстый ровный слой белоснежной пудры, создавая впечатление здоровой кожи, но я догадывался, что под макияжем то же самое — обожжённое до неузнаваемости лицо. Только губы не пострадали. Хотя, возможно, она делала пластическую операцию...

— Вот вам проблемка, — сказала она. Маленький зрачок бегал в щелочке оставшегося глаза, словно хорёк в клетке. — Меня пытали. Я, бывшая спортсменка, подающая надежды легкоатлетка, попала в руки к сумасшедшему маньяку, и он превратил меня в это...

Дыхание нормализовалось. Я шумно выдохнул и приложил ладонь ко рту. Губы показались сухими, будто сделанными из картона. Она надела очки.

— Не буду вас долго утомлять этим.

— Зачем? — сказал я, хватая онемевшим ртом воздух.

— Захотелось... посмотреть, — и она улыбнулась. — Он поджигал моё лицо, будто бумагу, а глаз вырвал обычными плоскогубцами.

— Чего он хотел?

Я сел на стул и налил. Бутылка опустела. Первоначальная злость сменилась странным чувством. Я всеми силами хотел думать, что это не жалость, но себя не обманешь.

— Псих, — сказала она. — Мы были на одних соревнованиях с его дочкой. Крупные международные соревнования. Она... его девочка, была лучше меня, я этого никогда не отрицала. И, в принципе, в тот раз я мысленно смирилась со вторым местом. Однако...

Бледная выпила стакан и скрестила руки на столе.

— ...однако девочка даже не вышла на ковёр. Кто-то подмешал в воду какую-то гадость. Бедняжка даже встать не могла, её рвало и мутило. Я увидела рвоту в коридоре, и возле её раздевалки... Но сначала даже не поняла, мало ли... А потом её увезли на скорой. Тренер не говорила мне до самого последнего. Только когда я исполнила свою программу, она рассказала мне. Уже тогда на нас бросали косые взгляды. А потом начался настоящий кошмар. Я заняла первое место, и, конечно, никого другого в подозреваемые и не ставили. Нас с тренером таскали по милициям, судам... Никто ничего так и не доказал потому, что даже не могли понять, чем отравили беднягу...

Я слушал. Не знаю, зачем, но я слушал. Чувствовал, как грязь впитывается в кожу, в голову, в самые глубинки мозга. Я вспоминал изуродованное лицо и понимал, что такое настоящий ужас. "Ты не такой" — вспомнились её недавние слова.

— ... и однажды... прошло, наверное, года три, я возвращалась с тренировки. К тому времени моё имя мелькало во многих спортивных газетах, а один раз я даже удостоилась встречи с министром спорта! И вот, в тот вечер, я услышала сзади топот ног, а потом — темнота. Очнулась в грязном помещении, и кругом был только обгаженный дерьмом серый кафель. Никогда этого не забуду... этот кафель с экскрементами мне и теперь снится... Я узнала его сразу. Когда лицо, такое же грязное, как и всё вокруг, склонилось надо мной, я узнала его. После того ужасного события его дочка так и не оправилась, она ушла из спорта. Я читала про это в газетах. Сейчас она работает в больнице, моет полы... А он писал мне. Присылал фотографии своего полового органа, и писал всякие сообщения, что будет издеваться надо мной очень долго. Как я издевалась над его дочкой... И тогда, в грязном помещении, он начал пытаться меня. Он хотел одного: чтобы я призналась в том, чего не совершала, что отравила его дочку. Тогда, говорит, мою девочку вернут в большой спорт и присудят ей ту медаль, после которой я, кстати, попала на свой первый мировой чемпионат. И, вот... вот теперь я такая. Он бы обязательно сделал из меня котлету, если бы был не таким огромным идиотом. Место, в котором он поместил меня, находилось в жилом квартале, к тому же, совсем рядом, через дорогу, был пункт милиции. Его задержали. Попытки прекратились, но... я долгое время думала, что лучше смерть, чем это!

— Зачем ты мне это рассказываешь? После всего, что я тебе говорил, ты раскрываешь свою тайну... мне?

Она улыбнулась:

— Люди, которые говорят, будто безразличны к проблемам других — самые лучшие и благодарные слушатели. А те, кто постоянно выслушивает и работает жилеткой, они, на самом деле, безразличны ко всему. Мне нечего бояться. Вся информация обо мне, о моей прошлой жизни, изъята отовсюду. Интернет, газеты... люди, которые знали меня. Их нет. И меня давно нет. Я другая. Я — не женщина и не мужчина. Я — бесплотна. Он искалечил мне матку, когда насиловал палкой с намотанной на неё колючей проволокой. Я даже детей не могу иметь. Вот проблемка, да?

В горле застрял ком. Сначала я хотел её прогнать, но потом понял, что уже поздно.

Кажется, она сама относилась к своей ужасной судьбе с какой-то иронией, и это пугало больше всего. Она не плакалась и не искала во мне ответов, она просто рассказала. Как чью-то чужую историю, как нечто далёкое и ненастоящее. Но я не мог больше находиться с нею рядом. Жалость была изнутри ключом, и от неё я не мог спрятаться.

— Отдохни, сколько нужно, — сказала Бледная. — Следующий заказ будет оплачиваться в двойном размере. Потому что ты теперь знаешь цену.

Я так и не понял, о чём идёт речь и какую такую цену я знаю. Она встала и прошла в коридор. Лёгкая походка и стройное тело — как напоминание о прошлой жизни. Наверное, Бледная была красива в прошлой жизни.

— А как тебя звали? Раз уж нет ничего, что бы я смог найти...

Она улыбнулась:

— Не думаю, что ты будешь поминать ту девочку в родительский день. Поэтому, это ни к чему.

— А как зовут?

— Призраку не нужны имена, — и в коридоре хлопнула дверь.

9

Что ж, если в кармане полно денег, то ты — король. Истина неоспоримая. Идея книги так и не пришла в голову, а то, что я знал хватало лишь на несколько страниц грязного читива про человеческие смерти и никому не нужные проблемы. Но проблема заключалась именно в этом. Я не хотел писать про людей. Особенно про тех, которые встречались на жизненном пути. Проблема в том, что я вообще не знал, какой хочу увидеть свою книгу. Герои, конечно же, должны были быть люди. Но кто? Шикарная блондинка, стенающая, словно утратившая веру монахиня? Или сумасшедшая девушка, возмнившая ворох вещей ребёнком? Разве об этом пишут? А почему бы и нет, отвечал я себе, но что-то моментально отталкивало, будто в их судьбах ползали паразиты, готовые заразить меня смертельным вирусом.

И я понял, что боюсь. Боюсь того, до чего догадался; боюсь своих знаний, боюсь людей. В тот же самый вечер, после разговора с Бледной, я испугался повторить судьбу отца. И, как мне кажется до сих пор, в отличие от меня, папа стал невольным свидетелем и мокрой жилеткой для людей. А я... мои отношения с людьми другие. Бледная оказалась права, и это пугало больше всего, — они интересны мне. Каждый. И их проблемы повисли на ушах и плечах, давили мёртвым ненужным грузом, пригибали к земле.

А ещё мне снилась она, блондинка. Её смех в спину, её белые волосы, развивающиеся за плечами, когда женщина влезала на край балкона и смотрела вниз. И она беспрестанно смеялась, обнажив белые зубы и смотря только на меня. Куда бы я не шёл и не убегал.

Той ночью мне приснилась она и та девушка. Голая блондинка пила из миски чёрную грязь, а потом смотрела мне в лицо и смеялась, а тёмные капли стекали по её губам и пачкали белоснежную кожу. А рядом сидела девушка и качала что-то твёрдое, словно обугленное полено. У этого полена были глазки, и они напоминали два тлеющих уголька. Я проснулся посреди ночи. Я закурил, впервые за долгие годы. Я пересчитал деньги и решил во что бы то ни стало как-то изменить происходящее. И в голову пришла безумная мысль: мне нужны счастливые люди, без забот и грязи. Мне нужны те, кто никогда не расскажет тебе о проблемах, и душу грела мысль о том, что с такими деньгами я смогу не только найти их, но и купить. Купить можно всё.

Утром звонил Дуглас. Но я просто оставил телефон дома, вышел в свежее осеннее утро, на чуть продрогший за ночь тротуар, на хрустящие лужи, покрытые коркой тонкого льда.

Старому доброму совету из одного советского фильма я не верил и деньги привык хранить наличными, чтобы всегда рядом, только руку протяни. Не доверяю я банкам.

Первым делом решил заскочить в какой-нибудь ресторан. Но, посмотрев на себя в витрину магазина, сразу же отказался от этой идеи. Чёрная куртка и такие же потрёпанные штаны — неизменная униформа. И лысина. Она всегда казалась мне какой-то дурацкой. Боженька ничего не смог придумать смешнее, ей богу!

Побродив по парку, я невольно заметил, что приглядываюсь к сидящим на лавочках. Люди там были разные: от стариков и детей, до влюблённых и совсем пропитых маргиналов. Нет, и это не подходит, понял я и отправился дальше. В кармане шелестели деньги и...

И почему-то в голову пришла дикая мысль: а не заявиться ли к блондинке? Жива ли? От последней догадки стало холодно, и я укутался в куртку. На улице царил полный штиль, даже солнце светило не по-осеннему ярко, пригревая мою голую макушку. Нет. Так будет совсем глупо. Прийти к ней сейчас — это, значит, признать свою зависимость от людей и от их проблем, а ведь я выбрался из своей конуры не за этим.

На главной улице стоял гам. Гремели машины, люди неслись, задевая друг друга на ходу, играла какая-то музыка из музыкального магазинчика, играла музыка из приоткрытых окон автомобилей... Я понемногу успокоился. То, что я ожидал увидеть — гадкий муравейник, то и увидел. Старое доброе безразличие подкралось незаметно, и, благодаря ему, расслабилось сердце, ноги задвигались неторопливым шагом, шаркая подошвой бесшумных мокасин. Всё, как и раньше. Даже хотелось вернуться обратно. Сесть и начать писать, но...

... я не знал, о чём. До сих пор, стоя посреди большого города, я не знал, о чём могу рассказать. И понял, что я — такое же ничто, как и все остальные. Чёрный муравей, живущий в огромном муравейнике, и каждая норка этого муравейника — это маленькая квартирка с жёлтым окном, а мы — всего лишь насекомые, перемалывающие свои проблемы за стеклом. Мы думаем, что отгородились и живём так, как хотим, но на самом деле, живём одинаково. И в этом наше единство!

Мы жалки от того, что наши проблемы одинаковы. Мы не хотим быть единым целым, но считаем, что "моя проблема важнее любых других проблем". И жизнь важнее, и то, что пережито нами — самое великое горе.

И там, за стёклами, их так много, и можно снимать бесконечно. На радость безликим извращенцам, и эти люди, которые смотрят записи, они никому неизвестны, но получают дикое удовольствие от того, как мы мучаемся и переживаем. Они, в какой-то степени умны потому, что понимают, как мы смешны. Ха, ха...

Ха, ха — грустно. Все проблемы — такая скука...

Но, всё же, когда я шёл мимо кирпичных зданий и разноцветных витрин, мне вспоминались и Бледная, и девушка с ворохом вещей и блондинка. И я не мог забыть их грязь, их сумасшествие и боль. И постоянно передо мной возникало ужасное лицо Бледной, с чёрным провалом вместо глаза, а ещё маленькая щёлочка, в которой хрусталик метался от стенки к стенке, рассматривая меня.

А потом я остановился. Какой-то глупый уродец, похожий на раскрашенного петуха, предложил мне следовать за ним. Он говорил, что покажет мне нечто такое, от чего волосы встанут дыбом. И я шёл за ним, посмеиваясь и кивая головой.

— Только, если у вас есть деньги, — он остановился. Мы стояли посреди подворотни. Мусорные баки и облезлые собаки даже рассмешили, когда он упомянул об огромных

деньгах.

— Всё тип-топ, — сказал я.

А потом — девки, голые и не очень, дорогая выпивка и удушливый смрад. Кажется, я был один в тесном помещении, целиком и полностью состоящем из шестов и одной барной стойки. А ещё несколько столиков в виде звёзд.

И я курил, пил и трогал их молодые, но уродские тела, я наслаждался, что им всё равно, и что нужны от меня только деньги, и никаких разговоров о проблемах...

Да, кажется, я отдал слишком много, и ещё меня обворовали, вытянув из кармана несколько тысяч рублей. Наверное, для них это и был большой куш, и потом я радовался, что взял с собой самую маленькую часть от заработанного.

И всё — начиная порога, до самого конца, скрылось в дыму и пьяном угаре. А ещё ужасный смех, которого я никогда не слышал от себя, и приказы, крики и вопли. Они ходили на четвереньках, облизывая мои мокасины, они танцевали и пели старые песни Высоцкого, надрываясь и плача от смеха. Я швырял им бумажки под ноги и приказывал, а они делали, и это очень веселило. А ещё я называл их муравьями, а они кивали и смеялись.

Голые молодухи облепили столик, закидывая длинные ноги, в ссадинах и сигаретных ожогах, две блондинки работали головами под столом, три мяли мне плечи, а бармен жонглировал бутылками и беспрестанно раскланивался.

А когда обнаружилось, что в кармане больше нет денег, я и не заметил, как оказался на улице, в подворотне. Было сыро и холодно, воняло отбросами, а тишину нарушали только скрежет собачьих когтей о металл мусорных баков.

Вдруг стало тихо, словно ничего и не было. Я поёжился и укутался в куртку. Спрятав свисающее достоинство и застегнув ширинку, я пошёл домой.

А утром очнулся у себя в квартире с жутким похмельем и проклиная весь белый свет. Спohватившись, я кинулся к деньгам и пересчитал их. Они оказались на месте, и в голове начали мелькать воспоминания прошедшего вечера, обрывки картинок с плачущими лицами, и я с ужасом осознал, что никакой то был не смех, а плач. Девушки исполняли приказы и плакали.

И я сам чуть не расплакался, начал рвать деньги, но вовремя остановился. Попытался склеить кусочки тысячных и пятидесятирублевых купюр, но ничего не вышло и пришлось выкинуть их в мусорное ведро.

Куря на кухне, я смотрел на обрывки банковских билетов с кусочками скотча, и ненавидел себя за всё, а особенно за те чувства, что снова завладели мной. И я хотел биться головой об стену, только чтобы прошла та жалость к ним, к молодым девушкам, которые ныряли за деньги под стол и брали в рот мужские пенисы, которые пели и танцевали и унижались, и лапали друг друга, целовались, совали пальцы в промежности...

Потом меня вырвало.

И снова, назло себе, я схватил пачку банкнот, сунул её в карман и выбежал на улицу. Я взял в прокат машину и отправился за город. Скоростной автомобиль, за который я должен был отдать пятьдесят тысяч в час, рассекал воздух, проносясь мимо полуголых деревьев, мимо домиков и полей. Только когда на спидометре загорелась красная лампочка, я свернул у первой попавшейся заправки и заполнил бак до отказа.

Тишина поразила меня. Оглушительная... И она была не тем, что я любил в ней раньше. Спокойствие и умиротворённость... Нет. Тревога, серое небо, свисающие клочками тучи и холодный воздух. Даже девушка за окошком маленькой кассы казалась серой, а

подъезжающие дальнобойщики угрюмы и грязны, они походили на прячущихся за стёклами кабин маньяков, они бросали косые взгляды...

Я надавил на педаль газа и отправился дальше. Я вполне мог не вернуться назад. Такой мысли и в голове не появлялось. Машина везла меня вперёд, всё дальше и дальше и, если бы не та табличка, вросшая в обочину, я бы никогда не остановился, пока полон бак.

На огромном рекламном щите было написано:

УЮТ И ТИШИНА ВДАЛИ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ!

А внизу, под надписью, я увидел красочные фотографии бассейнов, смотровых площадок, маленьких номеров уютных и светлых, ресторанов и кафе. Всё это, если верить рекламе, располагалось в одном месте, стоило только повернуть направо через пару сотен метров.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ НАБОР ПЕРВОКЛАССНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, КОТО ЗАСТАВЯТ ВАС ОКУНУТЬСЯ В РАЙ БЕЗ ЛЮДЕЙ!

Рекламу словно для меня писали. Ничего конкретного в ней не сказали, но я заинтересовался, да и голова понемногу начала проясняться. Как и обещал баннер, чуть дальше к трассе примыкала грунтовая дорога, уходящая в лес. Через пятнадцать минут езды мимо осенних пейзажей, мимо голых зарослей, деревья расступились, и взору предстал небольшой котлован, внизу которого располагался целый коттеджный городок. Большие и маленькие домики, с красными крышами и жёлтыми стенами, были понатыканы по всему периметру. Чёрные двери сооружений соединялись друг с другом зелёными дорожками, кое-где виднелись даже пальмы с сочными листьями, теннисные корты и футбольные поля. Котлован уходил дальше, вниз, и по небольшой дорожке брёл человек. Больше никого не было видно.

Проехав ещё немного, я наткнулся на КПП, такое же искусственное и ухоженное. Из окошка вылезла рука и протянула пропуск, открылся красно-белый шлагбаум, и я оказался в самом городке. Да, всё тут было пластмассовое, не настоящее, но, если не обращать на это внимания, пальмы и зелёные дорожки выглядели очень даже правдоподобно. Сбоку я увидел небольшую стоянку, на которой было несколько (ровно пять) автомобилей.

Припарковав машину, я увидел перед собой высокого мужчину в смокинге. Откуда он появился, оставалось загадкой. Его узкие глаза светились добротой, а на длинном тонкогубом рте играла дружелюбная улыбка.

— Прошу на регистрацию, — сказал он и направился к маленькому домику, стоявшему рядом.

В уютной комнатке сидела маленькая девушка, а за её спиной трещал камин. Никаких стоек и документации, только короткостриженная брюнетка, а в руках у неё блокнотик.

— Наличные или карта?

— Наличные, — ответил я.

— Полный покой, частичный, кураж?

Она подняла на меня огромные карие глаза. А я думал. Полный покой или частичный... полный покой...

— Частичный, — услышал я собственный голос.

— Хорошо, — кивнула девушка и начала перечислять всё, что входило в частичный покой. Это и массажи, и смотровая площадка за городком, с которой открываются изумительные виды на ущелье и тайгу; ресторанчики, кафе, пивные пабы, теннисный корт, джакузи...

Расплатившись (сумма и правда оказалась космической), мне показали мой номер — односпальное нечто, с двумя средними оконцами, с камином и креслом качалкой, с шкурой медведя на полу и целым баром... Ещё там были — огромный телевизор, ванная, которая напоминала размерами мою городскую квартирку, кабинет с широким деревянным столом, спальня с царской кроватью, холодильник, полный разнообразной еды, а ещё — личная горничная.

Я присвистнул и взял у длинного в смокинге ключи. Он объяснил, где находятся ближайшие кафе и удалился. Я посмотрел в окно, на жёлтые домики и ясное небо. В городке царила тишина, а те пять посетителей, что прибыли сюда до меня, кажется выбрали полный покой, поэтому создавалось ощущение, что ты правда находишься в заброшенном прекрасном городке. Вдоль узких зелёных дорожек пестрели пальмы и настоящие деревья, маленькие ёлочки, вечно-зелёные и прекрасные.

Я даже пожалел, что не взял с собой хотя бы тетрадь. А вдруг что-нибудь пришло в голову? Например, написать о человеке, который живёт в брошенном селе, и он такой счастливый, такой добрый; он живёт для себя и видит в этом счастье и идеал...

Вчерашний день казался кошмаром, но в городке мне казалось, что не существовало вчерашнего дня и не будет завтрашнего, только светлое сегодня, тихое и спокойное. В спальне я обнаружил шкаф, полный различной одежды. Сняв с себя грязное чёрное тряпье, я оделся в белый спортивный костюм и улыбнулся. Непроизвольно. Просто, от того, что был один и мог творить всё, что захочу.

До вечера я проспал на мягкой кровати, прямо в костюме, и, когда наступили сумерки, снова почувствовал горькое одиночество и нехватку чего-то. Открыв бар, я достал бутылку чего-то, по всей видимости, дорогого и крепкого, и приложился к ней. Горькое пойло обожгло, растопило горечь и лёд, прогнало ужасные мысли, и я вышел из комнаты. Прямо с бутылкой в руке направился по застеленному ковром коридору. Дорогу мне преградила маленькая рыженькая девушка с восхитительными голубыми глазами, и я подумал, что они тут все прекрасны, словно уродин владелец этого чудесного места специально не брал на работу.

— Вам помочь? — она поправила розовенький халатик и завела выбившуюся прядь за ухо.

— Я хочу посидеть в ресторане, зайка, — сказал я. — Есть же тут такое удовольствие, а? Она схватила меня за руку и вывела из домика.

— Прямо по дорожке, а потом направо.

Я шёл мимо жёлтых стен и пил из бутылки. Я пытался заглядывать в окна, но видел только черноту, и это успокаивало.

Ресторанчик оказался круглым зданием, наподобие циркового шатра. Меня встретила ещё одна милая дамочка, за руку отвела в светлый зал и усадила за столик. Она же, кажется, выполняла функции официантки потому, что достала блокнотик и сказала:

— Чего желаете выпить, пока я принесу меню?

Я поставил бутылку на стол.

— Всё с собой! А... можно со своим?

— Конечно! — улыбнулась она и исчезла.

Что ж, алкоголь настиг меня, и казалось, что я попал в сказку, где все такие милый и приветливые, где сбываются чудеса. Если бы не баснословная сумма, которую я отдал тому длинному типу в смокинге, то ощущение счастья было бы полным и законченным. Но грех

жаловаться!

В зале играла лёгкая музыка, какой-то джаз, или как там его.

Я что-то выбрал из меню, хотя все блюда имели такие забубенные названия, что, в итоге, я просто тыкал пальцем наугад, даже не спрашивая из чего состоит хрень, с названием "тобико" или "хамон"...

Стол наполнился едой, и я наслаждался, хотя вкуса особо не чувствовал. Через час бутылка моя опустела, и я потребовал ещё одну, когда девушка принесла счёт. За всё приходилось платить, что ж...

Потом я грустил, жуя холодное вяленое нечто, потом вспоминал Бледную и блондинку. Снова хотелось плакать от того, что даже тут, вдали от цивилизации, рядом с милыми и обходительными людьми, прошлое и грязь людская не отпускала меня. Возможно, подумал я, если с кем-нибудь поговорить, самую малость, то можно забыться. Ведь люди едут сюда отдыхать и вряд ли будут делиться с кем бы то ни было проблемами, которые, я был уверен, они оставили перед КПП, или на стоянке в своих машинах, в бардачках и в мобильниках.

И, как по волшебству, в зале появились люди. Нет, возможно они там были и раньше, а я просто этого не замечал, но... Высокая брюнетка в вечернем платье, худенькая, но с огромной грудью. Она медленно жевала что-то зелёное и разглядывала меня, а, когда наши взгляды встретились, её полные блестящие губы разошлись в улыбке. Ещё был толстый господин, такой огромный, что столик упирался ему в пах. Он пролил на свою красную рубаху вино, и протирал внушительное круглое пузо поданным официанткой полотенцем.

Пока я очухивался от наваждения, брюнетка встала из-за стола и оказалась рядом.

— Давайте без имён, такое правило, — сказала она и присела напротив. Странно, ведь там не было никакого стула. Хотя, я столько выпил, что, возможно, мог и не заметить официантку, которая судным образом угадывала желания клиентов.

Я кивнул.

— Мне хорошо, когда я представляю, будто только сегодня родилась и сразу в этом чудном месте. Нет никакого прошлого. Хорошо, правда?

— Мне нравится эта идея. А я представляю, что потерял память и очутился за вот этим столом, рядом с шикар... шикарной женщиной, — сказал я.

Она улыбнулась и тоже кивнула. У неё были чёрные глаза, обильно приправленные пудрой, и она говорила с небольшим акцентом, и я определил уроженку ближнего востока. Тонкие изящные руки лежали вдоль стола, а красный ноготь постукивал по белой скатерти.

— Давно тут? — спросила она.

— Первый день. День рождения... — усмехнулся я.

— Тогда, с днём рождения! — она подняла бокал, тоже непонятно откуда появившийся, и выпила его залпом. Я последовал её примеру.

Мы немного помолчали, и это не выглядело неловко. Наоборот, словно два младенца, мы собирались с мыслями, чтобы ляпнуть какую-нибудь чепуху, и это ни в коем случае не будет считаться чепухой.

— Даже не знаю, о чём говорить, чтобы не трогать то говно, которое осталось за воротами, — сказала она. — О! Вот, что я придумала. Давайте дурачиться? Для начала, выберем себе имена. Нет!

Её чёрные глаза сверкали пьяным блеском и приятным безумием.

— Давайте, вы придумаете мне имя, а потом я вам. Идёт?

— Неплохо, — сказал я и налил в рюмку виски.

— Тогда вы первый.

— А, черти!

Я обернулся и увидел, что толстяк снова трёт себя полотенцем. На этот раз тёмное пятно от вина красовалось на его внушительной груди. Огромные губы сжимались на огромной челюсти, он был очень сосредоточен и, кажется, зол.

— Не отвлекаемся, — она пощёлкала пальцами перед моим носом.

— Хорошо. Хорошо... Ты будешь... эм... — я невольно посмотрел на её внушительную круглую грудь и увидел маленький кулончик в виде сердца. Он, кажется открывался, а там, скорее всего, была какая-то фотография. — Я назову тебя Грешница, идёт?

— Грешница? — она округлила глаза. — Идёт. Хорошо. Только слишком долго. Просто Грех, как вам? Миссис Грех, а?

— Миссис? Мы в России, — сказал я.

— Да мне плевать. Миссис Грех. Звучит. Тогда вы... Доктор.

— Доктор?

— Вы очень похожи на доктора.

Да, она о лысине и высоком лбе, а ещё длинном носе. У меня вообще аристократическая внешность, но тут, кажется, судьба играла с нами в злую шутку, и это прозвище, Доктор... Как будто дама знала что-то о моём прошлом.

— Доктор. Хорошо. И что дальше?

— Обычно люди говорят о своей жизни, рассказывают всякие тупые истории. Кто где нажрался, кто кого поймел и кто сколько заработал денег. А мы представим, что ничего этого нет и... что бы вы сделали, если бы действительно увидели себе подобного человека? Представьте, что это первое видение, которое застигло вас при рождении. Есть, правда, одно исключение: вы можете думать и говорить, а ещё рассуждать. Такой вот ребёнок с набором взрослых мыслей, но совершенно без прошлого. Ну?

Она играла салфеткой, красные губы слегка подрагивали, а глаза бегали по моему белому костюму.

— Наверное, так думали Адам и Ева, — сказал я. — И они сразу начали косячить... не особенно силён в этом, но...

— Тс! — она приложила тёплый пальчик к моим губам. — Мы же договорились!

— Хорошо. Хорошо, — кивал я. — Наверное, я бы отправился исследовать новый удивительный мир.

Толстяк за соседним столиком завыл. Так горько, что теперь мы оба обернулись. Он увидел наши глаза и скривился.

— Простите... я не могу привыкнуть к этому. Чепуха не покидает меня...

— Давайте играть с нами? — предложила Миссис Грех. — Садитесь.

Он взял два стула и приземлился за наш столик. Его идеальная лысина блестела от натруженного пота, из ноздрей текли сопля, а в уголках глаз скопились скупые слёзы. Его маленькие глаза щёлочки нездорово бегали по столу, и он как будто пытался сообразить во что мы играем, раздувая широкий нос с внушительными ноздрями. Красная рубаша трещала каждый раз, когда толстяк дышал.

— Играть? — хмыкнул он, смотря перед собой. — И как называется эта игра?

В его голосе я услышал кое-что, отчего душа ушла в пятки, а нутро похолодело. Он говорил так горько, что я не смог не отвернуться. Даже в этом раю тяжело забыть прошлое.

— Мы будто только что родились, но мыслим, как взрослые. Без прошлого и будущего,

понимаете? — говорила дама. — Давайте я придумаю вам имя...

Она задумалась.

— Палач. Как вам?

Он вздрогнул и испуганно посмотрел на Миссис Грех. И, словно боясь чего-то, медленно произнёс:

— Сойдёт.

— Отлично! Я — миссис Грех, а это — Доктор. Я буду звать его просто Док, — кивнула дама. — Ну, господа, чем бы вы занялись? Палач и Док, чем бы вы занялись?

— Я бы нажрался, как следует, — сказал Палач. — Просто бы выпил литр водки, а потом ещё, но..

Он вытянул вперёд руки, и мы увидели, что они сильно тряслись. Стало понятно, почему он пролил столько вина на себя.

Миссис Грех вскочила.

— Для этого мы и тут, милашки мои, чтобы помогать друг другу!

Она наполнила стакан виски и подошла сзади к Палачу.

— Помоги нам, Док!

Дама запрокинула его голову, а я, хохоча, как ненормальный, выплеснул ему в рот пойло. Он зажмурился, мотнул головой и улыбнулся.

— Вот теперь лучше, — сказал он.

...и мы пили. Пили долго, говорили о всякой ерунде, смеялись, и официанты носили нам всякие блюда, которые напоминали живых маленьких монстров, а соусы — вонючую гниль. И, когда я перестал чувствовать вкус еды, Миссис Грех вскочила и предложила идти гулять. Палач расстегнул рубашку, седые волосы на его груди напоминали алюминиевую проволоку, и он постоянно смеялся, словно душевно больной, и обнимал Миссис Грех, говорил, какая она чудесная и что он желает только с ней провести остаток дней в этом месте. Он заикнулся о деньгах, которые отдаст местным держалам, но мы шикали на него, и Палач махал рукой и клялся, что больше никогда не станет говорить о деньгах.

Мы кидались от пальмы к пальме, целовали пластмассовые стволы, трогали голые ветви настоящих кустов шиповника и вишни, вдыхали аромат хвои на ёлках и елях, и постоянно прикладывались к бутылке. Палач размахивал бараньей ногой, откусывал от неё жирные куски, и его непомерно большие губы блестели, а по подбородку стекал жир. Он то плакал, то смеялся, нёс что-то бессвязное, а Миссис Грех толкала его в спину.

— Идёмте купаться! — сказала она. — Тут есть прекрасное место с природными источниками! Даже в это паршивое время года вода напоминает парное молоко.

Куда-то шли, по зелёным искусственным дорожкам, пока перед нашими пьяными глазами не раскинулось дымящееся озеро, укрытое сенью исполинских елей. Позади остались жёлтые домики, а за озером раскинулись скалистые горы, вершины которых покрывала серая пелена костлявых деревьев.

— Гольшом! Только гольшом! — смеялась Миссис Грех.

Палач замотал головой, громко замычал, застёгивая пуговицы на рубашке.

— Чего это ты? Ты стесняешься? Эй! У меня огромные титьки и ужасно узкая задница, и я ничего не боюсь!

Она ловко скинула с себя платье, потом лифчик, и я увидел, что про задницу она слукавила, хотя с по сравнению с её огромным бюстом, бёдра действительно выглядели маленькими.

Палач охнул, зарычал и начал стягивать с себя одежду. Я последовал их примеру, и мы плюхнулись в горячую воду, мы смеялись, и оказалось, что Палач не умеет плавать, и Миссис Грех учила его нырять. Её белые пятки исчезали под водой, и, когда она выныривала, чёрная тушь кусками отваливалась с век, и я подумал, что ей гораздо лучше без косметики.

Миссис Грех решила показать, как надолго она умеет задерживать дыхание под водой, и скрылась в дымящейся жидкости. Сначала мы с Палачом хохотали, но, спустя минуты три, я крикнул что-то и нырнул за ней. Я в панике шарил руками по дну, пытался открыть глаза, но не смог и, когда вынырнул, услышал звонкий хохот Миссис Грех и трубный бас Палача. Они стояли на берегу, голые и обнимались, прыгая, словно дети.

Потом, не обсохнув и дрожа, мы шли по зелёной тропе, обнявшись и покачиваясь. Палач держал в руке мокрую баранью ногу и что-то говорил про новую жизнь, а Миссис Грех тряслась, прижимаясь ко мне. Смеха как не бывало. Её чёрные мокрые волосы липли к щекам, и она что-то бессвязно бормотала.

Было темно, и мы скоро добрались до моего жилища. Мы закрылись и долго сидели у полыхающего камина, который кто-то предусмотрительно разжёл.

— Так хорошо, — вздохнула Миссис Грех. — Очень хорошо.

Палач сидел в кресле, уставившись на огонь. Огоньки плясали в наших глазах, а поленья трещали медленную песню. Палач начал плакать, и я думал, что это всё алкоголь, что это слёзы счастья, и что он вспоминает старую жизнь и думает, как же приятно тут, где есть только Доктор и Миссис Грех, и они точно такие же, с точно такими же проблемами. Но о них нельзя говорить. Т, наверное, каждый из нас думал о том же.

— Никогда бы не подумала, что буду так дурачиться, — вдруг сказала женщина, и это была уже не Миссис Грех. — Приятно познакомиться, Оксана Мамедова...

Я посмотрел на неё.

— Эй, нет, я до сих пор Доктор, и мне нравится дурачиться! Мне нравится, что мы такие первобытные, без забот и хлопот.

— Да хватит уже! — сказал толстяк. И это был не Палач, а именно тот самый толстяк, который ожесточённо тёр винное пятно на рубахе. — Никого не обманешь. Мы неплохо провели время. Нужно убираться из этого цирка!

Он попытался встать, но не смог и снова плюхнулся в кресло.

— Нет, — сказал я и мотнул головой. — Нет! Вы не можете!

Я вскочил и начал раздеваться.

— Смотрите! Разве это не весело? Мы голые, будто дети, без принципов и страхов, без целомудренной шушеры! Разве это не хорошо?

Оксана махнула рукой.

— Заткнись, кто бы ты ни был! Заткнись! Можешь дурачиться, сколько влезет, но я закончила. Знаешь, ещё никто просто так не глазел на мою грудь. Считай это подарком!

— Да хватит вам обоим! — взревел Палач. Он не мог даже головы поднять, его три подбородка лежало на волосатой седой груди. — Траханная парочка! Чтобы я, директор... ух... такой ерундой...

Я отступил дальше, в темноту. Я крутил головой и отчего-то стало тревожно на душе, словно меня посадили в клетку с двумя разъярёнными собаками, которые готовы в любую минуту кинуться и отгрызть тебе руку. Но, было же так хорошо... разве, нет? Вот она, моя новая книга, — о том, как хороша первобытность, как приятно, когда все вокруг дурачатся...

Словно клоуны... Уродцы!

— Сам ты траханный! Директор! — сказала Оксана. — Идите в задницу! Где тут выход?

Она попыталась встать, но, кажется, как только мы вышли из ролей, то алкоголь завладел обычным суетливым человеческим мозгом, размочил проблемы и скрутил ноги. Оксана попятилась и повалилась на камин. Её платье будто состояло из соломы, оно вспыхнуло. Вспыхнули и волосы, и я кинулся помогать ей. А она кричала. Отбивалась, будто я делал что-то ужасное.

Оксана схватила полено, и я успел увидеть только яркий огонь перед глазами, а потом ужасная боль потопила комнату, наступила тьма.

— Идиоты! Идиоты! — ревел толстяк.

Я упал на спину, и услышал, как бывший Палач тоже грохнулся где-то рядом. Он карабкался. То ли к двери, то ли от огня... А она кричала.

Я открыл глаза, и кинулся к камину. Оксана уже выбралась из горячего плена, но никак не могла потушить огонь, который, кажется, начал поедать её кожу, а волосы превратились в кусок полыхающей пакли. Пока толстяк валялся на полу и что-то громко кричал, я кинулся в комнату и открыл шкаф. Схватив какое-то длинное полотенце, я вернулся в гостиную и принялся сбивать пламя со спины и головы Оксаны. Но, к тому времени, уже полыхал ковёр, а огоньлизывал стены.

Воняло горелыми волосами и жареным мясом.

— Пожар! — кричал я. — Пожар, вы что, не видите?

Я поднял кричащее тело женщины и ногой открыл дверь.

— Пожар! — мой крик разнёсся по коридору. Уже слышался топот ног, а где-то далеко, на улице, взвыла сирена.

Я прислонил Оксану к стене. Её крики обжигали не хуже огня, она так горько выла, что мне захотелось лупить по красным щекам. Кожа женщины до сих пор дымилась, а голова превратилась в пластмассовую головёшку, с нечто похожим сверху на расплавленные синтетические волосы.

Я вернулся в комнату. С толстяком, кажется, всё было хуже. Он пытался встать, но не мог. Сначала мне показалось, что причиной всему алкоголь, но рот здоровяка пытался схватить воздух, а рука потянулась к сердцу. Помещение наполнилось удушливым дымом, я припал на колени рядом с директором. Из коридора доносились громкие разговоры.

— Тут плохо! Человеку плохо!

— Мужчина, нужно уходить, — сказал кто-то. Я обернулся и увидел длинного. — Нужно уходить. Оставьте это дело...

— Ему плохо!

— Врачи и пожарные уже в здании, — сказал длинный. Он стоял, заложив руки за спину, с непроницаемым лицом.

— А там женщина...

— Она уже эвакуирована. Выходите. Моя обязанность состоит в том, чтобы дом покинули все постояльцы. Прошу вас, мужчина.

В комнату ворвались медики и пожарные. А я выбежал наружу, на свежий воздух, и начал глубоко дышать. Откуда-то появилась карета скорой помощи, в которую затаскивали носилки с Оксаной на них. Она уже не кричала, видимо, укололи что-нибудь...

И потом я, словно в тумане, добрался до машины. Я вспомнил, что арендовал её на сутки и посмотрел на часы. Три ночи. Дрожащей рукой я схватился за ключ зажигания и

завёл мотор.

По дороге обратно в город я напевал песенку. Какую, уже не помню. Было весело, и люди казались убогими. Такими убогими, господи... И я, на правах человека, тоже убог.

Они не в силах... — думал я, засыпая в маленькой квартирке. — ...им нужно говорить и рассказывать... показывать... всегда.

10

И я как будто проснулся спустя минут пятнадцать. По крайней мере, таково было ощущение. В комнате царил мрак, и я уже попытался снова уснуть, но в дальнем углу услышал шорох. Как будто кто-то закинул ногу на ногу. Там стояло потрёпанное кресло. Мои глаза открылись, и я увидел Бледную. Она сидела, сложив руки на подлокотники, закинув ногу на ногу, и наблюдала за мной. Куда-то пропали её очки, а волосы женщина распустила, и они сливались с темнотой комнаты, и только белое лицо с пропастью вместо глаза, можно было различить.

— Зачем ты выключила свет в прихожей? — спросил я шёпотом.

— Чтобы не пугать тебя.

— Спасибо, — сказал я.

Немое молчание пугало. Мне казалось, что она сейчас достанет пистолет и выстрелит, или сделает что-нибудь ужасное. Как будто я не оправдал надежд. Над головой заговорил Бесплотный.

Сумасшедшая, понимаешь? Зачем ты связался с нею? Нужно бежать...

Голова начала трещать, волосы встали дыбом, и по телу пробежался холодок, застыв где-то на большом пальце ноги.

— Зачем ты тут? И... как попала сюда?

В ответ — только немое молчание, как всегда.

— Я привык, что сплю один. И свет в прихожей всегда горит.

— Почему?

— Почему, что?

— Почему свет в прихожей всегда горит? — спросила она.

Настала моя очередь молчать. Откуда мне знать? Это, как ритуал, так удобней и... безопасней?

— Веришь в призраков?

— Не больше, чем в тебя сейчас, — сказал я. — Так и будешь там сидеть?

— Да.

— Долго?

— Пока ты не уснёшь, — сказала она.

Бледная не шевелилась и напоминала Сфинкса, который охраняет чей-то покой. Её ровные ноги были босы, а платье коротко, и я видел стройные бёдра. Да и было ли на ней платье? Я всё надеялся, что глаза привыкнут к темноте, но всё витало в какой-то дымке.

— Ты убьёшь меня?

Снова без ответа, но она, кажется, дёрнула подбородком. Незаметно, совсем чуть-чуть.

— А могут призраки полюбить? — спросила она.

— Им виднее, — ответил я.

— Тогда спи, — Бледная шевельнулась и встала, и я увидел, что женщина была совсем голая. Нечто ужасное, с обугленным лицом, с длинным щрамом на плоском рифлёном

животе, и с темнотой вместо промежности. Это там так много волос, понял я, чтобы не видно было шрамов... И талия такая тонкая, и такие широкие бёдра...

Я зажмурил глаза, чтобы не видеть её наготы. И уснул.

11

Я проспал весь день и проснулся, когда уже смеркалось. Телефон молчал вот уже больше суток, и даже Дуглас не звонил. Отчего-то хотелось узнать, как у него дела, но я так и не смог нажать зелёную кнопку вызова.

И потом я посмотрел на кресло в углу и вспомнил, ужаснувшись. Я подошёл к потёртой мебели и провёл по ней рукой, посмотрел на накидку и не нашёл следов вмятин. Вообще никаких следов, что там кто-то сидел, или вообще существовал в ту ночь. Я склонился и понюхал сиденье. Пахло сыростью и ничем больше.

Что ж... рука сама потянулась к телефону. Набрав номер Бледной, я долго слушал гудки, а потом её холодный голос ответил:

— Да?

— Я готов.

— Кафе "Серёжка", — сказала она и отключилась.

Мы сидели за столиком, и Бледная протянула конверт.

— Снова сумасшедшие?

На что я рассчитывал? На скорый ответ? Господи, то бы всего лишь корпоратив, негласное братание, а работа есть работа...

— Ты... — я не знал, как начать.

Она подняла голову, и мне показалось, что сделала это слишком резко.

Тем же вечером я уже занял место в назначенной квартире, огромной, как футбольное поле, если не больше. Я даже не мог представить, кто тут может жить. Я лавировал, будто корабль мимо опасных волн, огибая статуи, какие-то столики с сувенирами и вазами да и прочим барахлом. Балкон был такой огромный, что в нём могла поселиться целая семья, и напротив, в доме, светилося окно.

Что ж, две девушки. Блондинки, очень похожи. Худенькие и стройные, чистенькие и беленькие, как заварные пирожные. Они были в одних лишь трусиках бикини одинакового светло-зелёного цвета и в майках с какими-то надписями на спине. И они дурачились.

Молодые девушки бегали друг за другом по квартире, толкались и боролись, катаясь по деревянному полу, смеялись и били друг друга миниатюрными кулачками. Они были словно вылеплены из фарфора, хрупкие и утончённые, их худенькие ножки проворно скакали по комнате, легко наступая на грязные доски. Облик девушек никак не шёл к интерьеру, — мрачному и убогому, словно пришедшему из восьмидесятых годов прошлого столетия. Массивные антресоли, которые царапали квадратными головами давно побеленный потолок с рваными трещинами и свисающими кусками штукатурки; очень высокие потолки и длинная труба, тянувшаяся вдоль всей правой стены, у самого потолка, с потёками засохшей ржавчины, похожей на давнюю кровь; древний телевизор с серым экраном, журнальный столик, такой же квадратный, как и всё советское.

И девушки... Такие милые, современные, с короткими стрижками до плеч. Они казались близняшками, но одна напоминала лицом идеально слепленную куклу, а вторая — мудрую не по годам жрицу.

Они закончили беситься так же быстро, как и начали, опустившись на пол плечом к

плечу. Как по команде, они провели руками по волосам, откинули головы назад и сидели так долго, смотря в потолок. Девушки скоротали так целый час, и лишь одному Богу известно, что происходило в их головах. Потом они сползли на пол и свернулись калачиками, обнялись и, кажется, уснули.

Я не знал, как быть. В прошлые разы было понятно, когда заканчивать съёмку — герои ложились спать, выключая свет, и это служило определённым сигналом. Тогда же девушки просто улеглись на полу, а окно полыхало.

Прошёл час, потом второй, но ни одна из них не пошевелилась. Я начал нервничать, ёрзать на стуле, пытался насвистывать мелодии под нос, вспоминать слова давно потерянных и ушедших песен, но девушки всё лежали и лежали.

А потом я разозлился, начал уверять себя, что незачем стараться для кучки извращенцев, что и этого хватит, уж если они любят полуголые молодые тела. Выключив камеру, я собрался и ушёл.

Бледная говорила, с трудом перекрикивая шум рабочей забегаловки:

— Вы нарушили правила.

— Да ладно?

— Свет не погас.

Я понял, к чему она ведёт.

— Мы это не обговаривали!

— Если есть, что снимать, то нужно снимать. Такое правило. На первый раз прощаю, но потом это будет караться штрафами, — сказала Бледная и протянула мне конверт.

Когда я вышел на грязную улицу, под сколький и сырой дождь, то пересчитал деньги в конверте. Двести тысяч рублей. Ставки растут. Но, разве мне нужны были деньги?

Так уж вышло, что я пришёл на место наблюдения чуть позже. Та неделя выдалась какой-то сумбурной, и в очередной хмурый серый вечер я застрял в пробке и начал подумывать о том, что нужно купить машину. В конце концов, я мог себе это позволить.

Я застал девушек сидевшими на старом разложенном диване. Сверху грязная обшивка его была накрыта красной тканью. Они сидели друг напротив друга, сложив ноги по-турецки, их белые пятки казались совсем прозрачными по сравнению с кожей рук, ног и полуоткрытой спины. Одежду они не меняли. Одна из них, та, которая мудрая, держала толстую бутылку коньяка. Или виски... До сих пор не разбираюсь в алкоголе. Приложившись к горлу, она сделала несколько внушительных глотков, а потом яростно передала пойло подруге и утёрла рот тыльной стороной ладони. словно кровь смахивает, — мелькнуло в голове.

Вторая, та, которая миленькая, проделала то же самое. Потом ритуал повторился, и так до тех пор, пока бутылка не опустела.

Мудрая вытянула вперёд руки, ладонями к подруге, и та прислонила к ним свои белые ладошки; девушки сблизили лица и упёрлись лбами друг в друга. И, да, они начали плакать.

Господи! Слезы... чужие слёзы, как твоя вина в чём-то. Ты смотришь, как кто-то плачешь и чувствуешь себя виноватым потому, что ты не хочешь так же, тебе не за чем. И их стало так много в моей жизни, и каждая запись сопровождается слезами, и тут меня озарило! Ладони взмокли, а сам я нагрелся до температуры лавы в вулкане.

Слёзы! Во всех видео были слёзы. Извращенцы тащатся от слёз! Но, Господи, зачем? Наверное, им важны настоящие слёзы; те слёзы, которые люди проливают за стёклами домов, не на показ, а для себя, тихо...

Девушки повалились на кровать, легли ровно, словно покойницы и устали в потолок. Они уже не плакали, а просто смотрели в одну точку, словно загипнотизированные. Свет всё так же горел, и я начал переживать, что придётся просидеть до самого утра. Потом девушки закрыли глаза. А свет горел...

Я поставил будильник в телефоне на восемь утра. Именно в это время на улице светлеет, да и девчата, наверное, где-нибудь работают или учатся. Закрыв глаза, я ещё долго пытался избавиться от дум, которые стали привычными соседями и друзьями. Кто они? Что с ними случилось? Почему они так ведут себя? А ещё я подумал, что совсем недавно подобные мысли, если бы и пришли в голову, испугали меня, а теперь они — нечто простое и разумеющееся.

Будильник запиликал в назначенное время, и я проснулся, сидя на деревянном стуле со спинкой. Такой массивный стул, но довольно дорогой. Помассировав лицо, я хрустнул конечностями и глянул в окно напротив. Девушки стояли у зеркала, которое было встроено в шкаф, разглядывая причудливые старинные платья, тоже советские, в которых ходили, наверное, в годах шестидесятых. Блондинки рассмеялись и потёрлись носиками, а потом упорхнули из квартиры, так быстро, как только могли.

— Хорошая работа, — кивнула Бледная. — Я просмотрела запись. Неплохо. Конечно же, за переработку, мы повысили гонорар вдвое. Мы умеем ценить хороших сотрудников.

— О, благодарю.

А зачем ты была у нас ночью, а? — Бесплотный склонился над ней и дышал в самое ухо. — Голая, уродливая, гы-гы!

Она дёрнула головой, а рука её дрогнула, словно Бледная хотела отмахнуться от назойливого комара.

— Осталось совсем немного.

— Давайте по домам. Спать хочу — ужас! — зевнул я.

Выйдя из ресторана, я достал телефон и залез в книгу номеров. На экране высветился номер Дугласа, и я щёлкнул по зелёной клавише, заиграла громкая музыка, слов в которой было не разобрать. Товарищ не отвечал, и лишь оператор сообщил мне, что абонент не отвечает, и что позвонить ему можно будет чуть позже.

— Куда же ты пропал? — процедил я, сквозь зубы и отправился к забитой до отказа остановке.

Моросил дождик, близился ноябрь, и люди, словно цыплята, жались друг к другу под крышей, согреваясь от тепла неизвестных им тел.

Девушки сидели за столом, на кухне. Наконец-то, загорелось второе окно квартиры, и я смог разглядеть ужасное нечто — грязный холодильник времён второй мировой, мойку, заполненную плесневелой посудой и ржавую газовую плиту с остатками давних пятен от борща или ещё чего-то подобного.

Но замутило от другого. Девушки достали из холодильника банку тушёнки с открытой крышкой, загнутой в трубочку. Приблизив камеру, я увидел, как из банки выбегают тараканы. Вряд ли насекомые смогли выжить в работающем холодильнике, подумал я. Из единственного шкафчика Мудрая достала кусок хлеба, который был похож на кусок зелёной плесени. Они наполнили кружки водой из-под крана и приступили к еде. Они набивали полные рты, смеялись, макали плесневелыми комками в банку, доставали оттуда нечто чёрное и давно утратившее вид тушёного мяса и с удовольствием жевали всё это, запивая мутной водой. Расправившись с трапезой, девушки отряхнули руки и, обнявшись, пошли в

другую комнату.

Там начало происходить нечто странное. Мудрая залезла в шкаф и достала оттуда что-то. Я приблизил камеру и без труда смог различить машинку, с помощью которой бьют татуировки. Милая поставила табурет посреди комнаты и стянула через голову майку. Её голубые глаза смотрели в мою сторону, рот улыбался, обнажая белоснежные зубы. Мудрая начала что-то набивать на спине подруги, а та только морщилась и хихикала.

Потом место на стуле заняла Мудрая, и подруга проделывала с её спиной то же самое. Милая добралась до шеи сожительницы и, как бы в шутку, скользнула иглой по щеке Мудрой. Та отпрянула, начала смеяться, кинулась на Милую, и завязалась борьба, в результате которой Мудрая оказалась сверху на подруге с машинкой в руках. Она стащила с неё трусики и, держа одной рукой запястья подруги, второй водила машинкой по круглым ягодицам, рисуя там что-то... я присмотрелся и увидел, что получился корявый, тусклый мужской половой орган.

На их спинах печатными кривыми буквами было вытатуировано: "Сукин сын. Ты потерял нас!".

На этом борьба не закончилась. Они ещё минут сорок носились друг за другом по всей квартире, снося мебель, разбив зеркало, то и дело чертя кривые линии, кружки и квадратики на телах друг друга. Из неумело сделанных татуировок сочилась кровь, игла, кажется, рвала кожу потому, что движения девушек были сумбурными и резкими.

Изуродовав свои тела, они успокоились. Девушки закурили пипиросы, сидя на полу и молча смотря друг на друга. Вокруг царил полнейший бедлам, перевёрнутая мебель, обрывки старых газет, битый хрусталь, осколки зеркала, фантики от конфет и шоколадок... И им было всё равно. И они не сказали ни единого слова за эти три дня.

А на четвёртый день съёмки девушки посидели немного на кухне, выпили мутного самогона из раздобытой где-то огромной бутылки. Их лица и голые тела покрывало множество мелких линий и фигур, — следы от машинки для тату. Белые волосы слиплись, пропитались какой-то грязью, косметика растеклась и застыла на щеках.

Взяв каждая по табуретке, они направились в комнату и поставили четырёхногие убожества рядом со шкафом. Наверное, что-нибудь опять задумали, какое-то дурачество...

Мурая закинула руку на антресоль. Она так быстро нырнула в толстую верёвочную петлю, что я вскочил в тот момент, когда Милая стояла в таком же ошейнике. Концы самоубийственной верёвки были привязаны к трубе с кроваво-красными подтёками.

А потом девчата повернули головы в мою сторону. И это было не машинальное движение и не случайность. Их грустные глаза смотрели прямо на меня, а, точнее, в мою камеру. Их бледные лица, которые тряслись от страха, исказились гримасой тяжёлой тоски.

Девушки синхронно подняли руки и помахали мне.

И спрыгнули с табуреток.

Я отвернулся. Я снова кинулся их спасать, пробежал через весь холл и уже у самой двери из темноты, передо мной, возникли две тонкие руки. Они сильно толкнули в грудь, я не ожидал такого поворота событий и плюхнулся на паркет.

В дверях стояла Бледная. Не сказать, что женщина злилась, но она качала головой, поджав губы.

— Ты нарушаешь правила.

— Плевать! — заорал я и попытался встать.

Следом закриком последовал точный удар тяжёлой туфли по моей челюсти. Стучаясь

головой о паркет, я успел подумать, что Бледная таскает в обуви пудовые гайки.

По щеке побежала тёплая юшка, а зуб предательски шатнулся, и я поймал его языком, чтобы он не угодил в глотку. Выплёвывая лишнюю деталь организма, я снова попытался встать, но Бледная поставила ногу на плечо и помахала пальчиком.

— Ты не имеешь права.

— Они умрут!

— Конечно, умрут. Ведь они сами этого захотели...

— Сраная чушь! — сказал я. — Они больны, им нужна помощь!

— Ты невидим, забыл? — спросила она, убирая ногу с плеча и чуть толкая моё тело.

Я отполз к стене и прислонился. Ужасно болела челюсть, рот наполнился солёной кровью, как рассол, промелькнуло в голове.

— Но ведь они умрут, как ты не понимаешь?

Я сделал последний рывок, чтобы сбежать от неё, но Бледная, ловко и проворно, подскочила ко мне, схватив за ворот новенькой чёрной куртки. Её хватка оказалась на удивление крепкой.

— Они повесились, ты это понимаешь? Если девушки и не умерли от перелома шейных позвонков, то в этот момент они утратили сознание. Остановилось дыхание, произошёл акт самопроизвольного мочеиспускания и дефекации. Постепенно останавливается сердце. Семь минут, чтобы умереть. Ты не доберёшься до них и за десять, слишком далеко. Остынь!

Она слегка мотнула меня, и я ударился головой в стену.

— Больные, — прошептал я. — Извращенцы! Вас нужно на кол всех! В кислотные ванны, чтобы осталось одно говно! Отпусти! Да, отпусти, я никуда не побегу!

Она подчинилась и встала.

— Откуда ты знаешь, что они повешались?

— Камера передаёт изображение на сервер, где идёт запись, — сказала Бледная. — Нам нужно уходить.

— Вали. Я отдохну.

— Нам нужно уходить вместе. Я заберу камеру, будь тут.

Она вернулась довольно быстро, а я сидел и смотрел в потолок. Темнота успокаивала, словно она была всегда и была единственным другом.

— Идём.

— Иди, — сказал я.

— Не будь идиотом! Ты нарушаешь правила... — она осеклась, но сразу же продолжила. — Я тоже. Я нарушила кучу правил, но не виню тебя. Идём, пожалуйста.

Мягкость её голоса заставила меня встать.

— Разбежимся по разным углам, как всегда? — спросил я.

Вместо ответа Бледная схватилась за моё запястье и повела за собой, как маленького ребёнка. Мы вышли на улицу, прошмыгнули мимо гаражей, вывернули на проезжую часть, скользнули в парк, и там она остановилась. Холодная хватка Бледной исчезла. Я сел на лавку и потянулся за сигаретами.

— С каждым разом всё хуже и хуже, — сказал я.

Бледная присела рядом, на край лавочки.

— Ты ничего не сможешь с этим поделать. Знаешь, сколько людей вешаются и сходят с ума? Разница лишь в том, что ты снимаешь и знаешь...

— И вешаю на себя это дерьмо!

— Ты слишком тяжело относишься к этому...

— Я вижу и знаю! И не могу ничего сделать! — сказал я, выдохнув сизый дым под мокрые корявые кроны деревьев.

— Ничего, — покачала она головой. — Ты можешь уйти. Это всё, что я могу сказать тебе.

— Столько дерьма и ты просто отпускаешь меня? На все четыре стороны и предлагаешь жить с этим? — я посмотрел на неё. — Ты дура?

Она опустила голову.

— Наверное, да... Не знаю.

Такой я ещё её не видел. Теперь передо мной сидела обычная женщина, человек с проблемами и чувствами, и это даже нравилось, это трогало и цепляло.

— Что это значит?

— Ничего. Господи, ничего! — Бледная встала, отряхнула юбку и поправила чёрный пиджак и серую блузку. — Я расскажу тебе.

— Нет, стой! Я возьму следующий заказ.

— Зачем?

— Чтобы убедиться... чтобы разобраться в себе. Видишь, у меня от тебя никаких секретов.

Она помолчала.

— Возможно, стоит...

— Нет, я возьму его. Давай, завтра увидимся.

12

Если она мне и расскажет, что происходит, то только на словах. Я буду уволен, а люди продолжают умирать, и всё это продолжит сниматься на камеру, как будто так и нужно, и будут это смотреть кто-то невидимый в комнате, или в холле. Один или всей толпой, они будут смотреть, как на видеозаписях ходят люди, страдают, дурачатся, ведут себя странно, но разве человек в одиночестве или просто в собственных четырёх стенах и за стеклом ведёт себя нормально?

Если она мне и расскажет... Нет, я не хотел её рассказов и не ждал, что услышу правду. Бледная в последние дни вела себя странно, даже через чур, поэтому я опасался, как бы она не придумала что-нибудь против меня. Ночной сон или же правда? — часто думал я, на пару с Бесплотным, и, даже если она и сидела в ту бредовую ночь в комнате, то какие мотивы двигали ею? Голая, посреди ночи, женщина охраняла мой сон, а потом говорила о любви. И вчерашняя ночь показалась мне странной.

Да она же влюбилась в тебя! — хлопал в ладоши Бесплотный. — Влюбилась, дура! Только, почему? Мы же с тобой такие уроды, посмотри! Лысеющие, длинноносые, конопатые. И влюбилась. Хотя, и эта сучка не красавица, правда?

— Заткнись, заткнись! — морщился я, лёжа на кровати и смотря в потолок.

До назначенной встречи оставалось около часа. Я собрал сумку: воздушный пистолет, коробка с лёгкими маленькими пулями, пара бутербродов, холодная курица из быстрой доставки.

Влюбилась, ненормальная. — говорил Бесплотный. — Влюбилась и теперь мучается потому, что это у неё впервые, и она, умная и сильная, не знает, что же делать. Ей проще убить тебя и замести следы, как она это сделала со своей прошлой жизнью. Уверен, для неё

это так просто — стереть всю информацию про тебя. Если они готовы платить такие деньги за обычную съёмку, то представь, какие огромные бабки крутятся в этом бизнесе? Всё, что построено на людских чувствах, извращениях и отклонениях собирает самые вкусные и сладкие сливки, ведь так? Как же мы любим свои чувства и, о боже, как же мы любим чужие чувства! И чтобы обязательно посрамней, погрязнее, чтобы удовлетворить своё самолюбие и понять, что у мен-то любимого ещё не всё плохо, по сравнению вот с этим...

Но она не может тебя убить потому, что влюбилась! А ты, словно поумневший лев, вырвавшийся из клетки, который несёт огромную опасность для их общего дела, понимаешь? Ты изменился, ты предал свои идеалы рады людей и никогда не станешь прежним и теперь, ты, как никто другой, вообще не подходишь для такой работы.

— Закрой рот! — я швырнул в него пустой стакан с остатками молока, и он ударился в пустую стену, разлетевшись в разные стороны мутными осколками.

Бледная передала мне конверт со словами:

— Ты точно этого хочешь? Я могу рассказать тебе правду, и мы попросимся. Никаких обязательств, только честное слово...

Я помотал головой.

— Решение принято. Я делаю это больше для себя, чтобы убедиться...

— В чём?

— Что люди завладели мной. Что их грязь теперь интересует меня.

Она вскинула подбородок:

— А если это так?

— То я пойду по стопам отца и скоро умру. Так будет лучше, чем искать угол и тыкаться влажной мордочкой в пустые стены.

Когда я шёл по адресу, указанному в конверте, то меня не оставляла мысль, что это очень знакомое место. Высокие здания, двор буквой "П", даже деревья, посаженные под окнами, шелестели знакомо. Но я так устроен, что с трудом вспоминаю места, в которых побывал. Максимум, могу испытать странное чувство уже виденного, вспомнить запахи и звуки, — скрипы проезжающего детского велосипеда, рёв машины, разговоры бабушек на лавках, — но конкретное событие, связанное с этими воспоминаниями, остаётся тайной за семью печатями.

Было ещё светло, и я вошёл в подъезд, провожаемый бабульками; поднялся по серым ступеням, мимо выцветших стен и открыл дверь наблюдательной квартиры. Обычная двушка, не большая и не маленькая, не плохая и не хорошая, просто жилище среднестатистического человека.

Я надел бахилы, взял с маленькой кухни стул и аккуратно, через комнату, вышел на балкон, заваленный старым хламом. Достав листок с планировкой здания напротив, я отыскал нужное окно. Передо мной выросла тренога, на которой я закрепил камеру и настроил её.

Сердце колотилось, и я не мог отделаться от тревожных мыслей.

Какой знакомый двор, правда? — ворчал Бесплотный. — Странно и будто неспроста...

Окна в соседнем доме не горели. Пошарив биноклем по ним, я понял, что квартира пуста.

И на окнах в этих квартирах никогда нет занавесок, правда? — говорил Бесплотный над ухом. — Как будто специально. Ни в одной квартире, ты заметил? Интересно, что там делает блондинка? Наверное, уже испорола себе брюхо! Ха, ха!

Я заметил, что лоб намок. Утерев пот рукавом куртки, я внимательно продолжал следить за объектом. А ещё мне пришла в голову мысль, что это не только моё последнее задание, но и должно обязательно что-нибудь произойти. И произойдёт, обязательно. При мне больше никто не умрёт!

Прошло около часа, прежде чем в квартире появился человек. И, когда он вошёл через деревянную дверь, я не поверил своим глазам. На секунду дыхание моё замерло, и было слышно, как тяжело колотится сердце.

Я припал к экрану камеры, приблизил изображение и невольно приложил руку ко рту, когда убедился, что глаза меня не подводят и Бегемот находится в полном здравии.

Дуглас. Мой маленький друг, мой товарищ, он скинул куртку в прихожей, закрылся на замок. Через его плечо свисала сумка, и он скинул её на пол, пнув ногой в комнату. Старенькая сумка, с которой он ходил на работу и при мне, потрёпанная и потерявшая первоначальный ярко-зелёный цвет.

Если он заинтересовал заказчиков, то ничего хорошего ждать не приходилось. Если это так, то извращенцы тают от чужих страданий, а у Дугласа этих страданий хоть отбавляй и, если мои догадки были верны, то дружище Дугликов дошёл до той точки, с которой стартуют от проблем напрямиком на небеса или в психушку.

Она же издевается над тобой, эта уродливая шлюха! — зашёлся смехом Бесплотный. — Она специально вручила тебе этот заказ, как будто не знала! Ой, не могууу...

То, что происходило в квартире Дугласа потом, повергло меня в сильнейший шок и заставило совершить великую ошибку.

Он поставил сумку на древний диван, открыл её и начал доставать какие-то шмотки. Платья, парики, колготки. Я всё отчётливо видел и еле сдерживался, чтобы не убежать. Зачем? Почему? Нет. Просто я должен был понять, что же происходит, а потом вступить в игру и нарушить правила самым ужасным образом.

Дуглас скинул с себя джинсы и рубаху и начал одеваться в женское платье, потом натянул колготки и парик. Подойдя к зеркалу большому зеркалу, он погладил свою руку и шею, а потом обнял сам себя и долго стоял так, качаясь из стороны в сторону. Он был жгучей брюнеткой, и я вспомнил, что его жена была жгучей брюнеткой, и что она носила точно такие же платья, только на ней они смотрели гораздо интереснее. А ещё Дуглас говорил, как-то, что Юля, бывшая, похожа на его мать.

И он гладил себя, он припадал к зеркалу и целовал отражение. Потом из той же сумки достал сумочку поменьше и вывалил содержимое на диван. Помада, тени и прочая косметика. Дуглас довёл свой образ до идеала (по крайней мере так ему казалось), а последним завершающим штрихом стала капля духов под нос.

Было видно, как он наслаждается, как расплывается в улыбке его большой рот и как он весь трясётся от нездорового кайфа.

А потом началось самое ужасное. Дуглас сделал шаг назад от зеркала и, ещё немного глянув на себя, размахнулся и ударил себя по щеке. Голова его наклонилась вбок, но второй рукой он нанёс ещё один удар, уже по другой щеке. Его губы медленно шевелились, а нос покрылся морщинками, словно мужчина сыпал проклятиями своему отражению.

Затем он начал сыпать удар за ударом на свои покрасневшие щеки, пока из одной не хлынула кровь. Дуглас остановился, вытер рану тыльной стороной ладони и лизнул красное пятно с пальцев.

Но это был всего лишь разогрев. Он достал из шкафа старый утюг и включил его в сеть.

Пока тяжёлый монстр нагревался, Дуглас подкидывал его вверх, словно оценивая вес допотопного существа. Потом были ужасные ожоги, и я видел дым, идущий от места соприкосновения металла и кожи. Я отворачивался и тянулся к своей сумке, но что-то останавливало меня, и мне казалось, что каждая последующая попытка будет последней, что друг одумается, заплачет и выкинет эти штучки, сорвёт парик...

Потом были иглы под ногтями и чёрные капли, свисающие с кончиков пальцев. Были какие-то крючки под кожу и болезненные укусы, которые оставляли на руках кровавые следы.

Когда он достал карандаш, я замер. Когда он, с размаху, воткнул его себе в глаз и упал, извиваясь в конвульсиях, я полез за сумкой.

Дуглас поднялся, его трясло. Он достал огромный нож, сверкнуло лезвие. И в тот же момент стекло в его квартире разлетелось вдребезги, Дуглас выронил оружие, резко развернулся, глядя изуродованным лицом на острые зубья прозрачного стекла, на разбитое острое царство.

Не знаю, увидел ли он меня. Я замер напротив с воздушным ружьём в руках.

— Дуглас! — кричал я. — Дуглас, прекрати, оно того не стоит!

Крик разнёсся по ночному двору, зажглось несколько окон. А потом в шею что-то ужалило. Комаров в конце октября не бывает, но, только я попытался повернуть голову, в глазах потемнело, ноги подкосились и...

13

Снов не существовало. Была только темнота и пустота, и даже я сам куда-то пропал, стал Бесплотным. Только меня никто не мог увидеть потому, что мой хозяин спал. Я спал. Его физическая оболочка блуждала по границам сознания, и мы соединились, и Бесплотный, то есть, я, победил. Здесь, внутри головы, моё царствие и тут я могу спокойно предаваться своим извечным вопросам: как? Зачем? Почему? Что? Их всегда много, и они мои друзья.

Я ищу отгадки на них, пока Плоть бродит по твёрдому городу, пока она глушит в себе эти вопросы и старается показать всем свою маленькую тяжёлую жизнь, я дружу с сестричками-вопросами, и, порой, мне удаётся явиться в их твёрдый мир, такой огромный, что становится жутко. Тут всегда темно и жарко — идеально.

Как? Зачем? Почему? Что? Любое место, любое слово и любое действие подвергается нападкам сестричек, и я вместе с ними стараюсь понять. Хозяин слаб, чтобы убить хотя бы одну сестричку, он просто их глушит и игнорирует, как и все люди. Но я пытаюсь добраться до сути, однако, в последнее время Плоть стала через чур доброй, через чур мягкой, и это говорит о том, что нужно собирать вещи и уходить. Либо ты живёшь для себя и играешь с сестричками-вопросами, либо живёшь для людей, полностью проникая в их проблемы.

Я уже начал замечать, что тут, в моём, когда-то, царстве, появляются другие Бесплотные, и они мешают играть с вопросами, они постоянно донимают меня. И мне страшно потому, что они появляются из темноты так неожиданно, что я подпрыгиваю и трясусь от неожиданного страха. Они начинают рассказывать истории, и тоже трогают сестричек, но вопросики уже не такие. Где-то меньше, где-то больше, и я вижу, что то уже не наши с Плотью вопросы, а, если и наши, то глубоко поменялись, преобразились или стали уродливей... В основном, стали уродливей. Чужие сестрички всегда уродливы, но они тут, а, значит, я должен уйти.

Есть и другой вариант, остаться. Спрятаться в углу и, порой, тоже выскакивать из

темноты, рассказывать и выслушивать... Нет. До свидания.

Плоть проснётся, а меня уже нет, и он поймёт, как хорошо было одному, но никогда уже не сможет отделаться от чужих Бесплотных.

14

Казалось, что меня увезли в другую страну, на другой конец планеты. Ещё не открыв глаза, я слышал только шелест ветра, чувствовал приятный запах духов и, как ни странно, чистой кожи. Постепенно начав приходить в себя, я чувствовал под собой мягкий матрас и очень гладкую мнущуюся ткань, возможно, шёлк. Рядом с кроватью кто-то бесшумно прошёл, от головы до ног, и скрипнул стул или что-то похожее.

Веки мои открылись, и перед глазами предстал великолепный расписной балдахин с какими-то райскими огромными бутонами нежно-розового цвета, и тёмно-зелёными стеблями, закрученные на концах листья оплетали ткань и спускались до самого пола. Такое ощущение, что я лежал под сенью сказочного места.

Массивная кровать стояла посреди обширной комнаты, какие я мог видеть только в фильмах про аристократов. Резные колонны кровати устремлялись вверх и держали на дугах сказочную фауну, вытканную из обычных ниток.

Напротив кровати было широкое окно до самого пола, а у него, на стуле, сидела женщина в лёгком шёлковом халате и в белой маске с прорезями для глаз и нарисованными маленькими губками. Белые распущенные волосы спадали на плечи, она закинула ногу на ногу и помахивала босой ступнёй. За её спиной, в елях и опавших кустах игрались птички, а совсем далеко чернели горы, покрытые шапкой молочных облаков.

— Я нарушил правила, правда? — сказал я. — Если бы знал, что после этого попаду сюда, нарушил бы их гораздо раньше.

— Нарушение правил не всегда ведёт к увольнению. Те, кто рискует, порой, идут на повышение, — голос Бледной был более спокоен, чем обычно.

— Не знал, что ты блондинка.

Она молчала и болтала в воздухе ступнёй, ногти на её маленьких пальцах были украшены блестящими камешками на красном лаковом фоне. Ровные ноги с сильными и красивыми икрами Бледная оголила до самых бёдер, и открытая шея смотрелась очень привлекательно, как и ложбинка меж грудями. Только все те же белые руки, и я знал, что лучше так, чем смотреть на ужасные ожоги.

— Однако, ты уволен, — сказала она. — Так ужасно провалить задание ещё не удавалось никому до тебя. И я знаю, что ты не справишься. Так что мне придётся подыскать новую кандидатуру на роль пехоты. Оператора.

Она встала. Зелёные бархатные стены и женщина в серебряном халатике, который мог вот-вот растянуться. Я ощущал себя царём, шейхом перед настоящей искусительницей. Бледная поправила халатик, задравшийся почти до самой промежности, подошла ближе и присела на кровать.

— Почему ты не захотел, чтобы я сразу тебе рассказала?

— Хотел спасти хоть кого-нибудь... Ты специально это сделала, да? Ты знала про Дугласа?

Бледная покачала головой.

— Чистая случайность. Если ты считаешь, что существует слишком много заказов, что можно выбирать, то ошибаешься.

— Он... как он?

Она снова качнула головой.

— Дальнейшая судьба объектов — уже не наше дело. Я не знаю. Вчера вечером произошло недоразумение, и ты нарушил привычный ход вещей. Пришлось вернуть деньги заказчику потому, что объект всполошился. Более того, теперь нужно прилагать кое-какие усилия для...

Она резко замолчала.

— Я же собиралась тебе всё рассказать, верно?

— Ну?

— Тогда какого хрена я тут несую?

Она встала и прошла к зеркальному бару. Немного посмотрела на себя, а потом достала оттуда два бокала и наполнила их тёмным алкоголем. Наверное, опять виски, подумал я.

— Мне нужно узнать... Где мой телефон?

Бледная отдала мне бокал.

— Я отдам тебе его позже.

— Мне нужно позвонить Дугласу! Дай телефон!

Я видел, как загорелся её единственный глаз в щёлочке маски, но понять, что же она испытывает, теперь вообще было понять невозможно. Меня ждали ответы, но сначала — Дуглас. Если он мёртв, если его убрали, как ненужного свидетеля, то я не стал бы разговаривать, я бы задушил её и сжёг то место, тот огромный богатый дом, полный прислуги и этажей, подвалов и садов. Там даже бассейн был.

— Что ты хочешь узнать?

— Если он мёртв...

— Он жив, — сказала она. — Остынь на десять минут и выслушай. А потом можешь делать всё, что хочешь. Ты поймёшь, почему всё так и будешь свободен.

Разве был у меня выбор? Эта дамочка вынесла мне зуб, а её хватка напоминала стальные клешни.

— Десять минут, Б...

Она присела совсем рядом, и я даже почувствовал запах её кожи — чистый и немного сладковатый, как стиранное бельё. Я даже смог разглядеть чёрные трусики, но тут же отвёл глаза, уставившись на белоснежную маску.

— Когда я лежала в больнице, я не могла думать ни о чём другом, кроме как о мести. Карьера великой гимнастки подошла к концу. Вместе с нею подошла к концу и личная жизнь. И нормальная жизнь... Мне твердили вокруг: ты ещё выберешься, будет и муж, и дети... И, и, и! Одни "и". Но я была и остаюсь по жизни реалисткой. И ужасный реализм говорил мне: твоя жизнь подошла к концу, потому что жизнь — это победы и цель на горизонте, а моя цель утонула и сгорела в кислоте. Мама и отец... Я их всех послала. Было больно смотреть, как они плачут, но своим единственным глазом я видела, что мне они не нужны. Их дочь умерла вместе со мной, а на больничной койке, под капельницами и с флагом ужасающей невыносимой боли, родилась другая. Мне никто не был нужен. Никто.

Она помолчала. За окном стихли птички, словно тоже с грустью слушали историю Бледной.

— Но я нашла цель в жизни. Я просто не смогла бы жить вот с этим, без какой-либо цели, понимаешь? Первым делом, нужно было оправиться. Перебороть боль, встать на ноги, начать заниматься физическими упражнениями, чтобы хоть как-то прийти в форму. Нет, со

спортом я покончила раз и навсегда. Если он приносит ТАКИЕ результаты, уж увольте, господа. Пососите мой член, ха, ха! Но моё тело превратилось в кусок пережёванного лимона. Кучи пролежней, ужасные складки, лишний вес. На пути к своей цели я не боялась ничего и, преодолевая адскую боль, я всё-таки встала, а потом начала ходить. А потом бегать...

Она достала из кармана длинную сигарету и выдохнула в воздух мутный дымок.

— Следующая стадия. Раны заживали, и я приступила к поиску его дочки. Ну, ты понимаешь, да? К тому времени, я переехала на съёмную квартиру и жила на ещё получаемую мной пенсию по инвалидности и какие-то там пособия за особые достижения в спорте... Ну, ещё множество сочувствующих... Денежные переводы, материальная помощь... Я не отворачивалась от этого и принимала, как данность. Инвалид, что поделаешь. К тому же, деньги вершили многое, и уже тогда я накладывала первые грим на лицо, выходила в кафе и рестораны потому, что любила смотреть на счастливых людей, которым на меня было по барабану. Редко встретишь по-настоящему сочувствующих. По-настоящему!

Она посмотрела на меня.

— Жалость — да, но сочувствие? Сочувствие — это когда человек готов помочь инвалиду и с радостью поменялся бы с ним ролями хотя бы на полчаса, если это облегчить страдания бедняги. Хоть бы и на полчаса. Таких очень мало. И я смотрела и смеялась над ними, думая, какие же люди глупенько-счастливые. До первой боли. До первой настоящей боли.

Она передохнула и выпила бокал.

— К тому времени, случилось это через три года после недоразумения с моим лицом, я разузнала, что дочь ублюдка работает в магазине продуктов, живёт с каким-то бывшим заключённым, и живёт несладко, надо сказать. А он отсиживал срок за то, что сделал мной. Глупенькие люди... и я, глупая до ужаса, никогда бы не причинила вреда человеку. Даже маньяку, который угробил мою жизнь, я бы не сделала физической боли. Физической...

Она придвинулась.

— Физической, понимаешь? А одним вечером разгадка пришла сама собой. Я ужинала в каком-то студенческом кафе, а сзади за столиком сидели две молоденькие девушки. Их бред меня не привлекал, пока я просто не прислушалась. Слушать, знаешь ли, очень полезно. Конечно, порой, люди несут полную чушь, но даже из неё можно почерпнуть для себя что-нибудь полезное. Я даже сейчас помню, как одна девушка рассказывала другой, как её бросил парень и как она страдала. Она почти плакала, когда говорила о его скотском отношении, об изменах, и о том, как он теперь живёт с другой девушкой, и как грустно и одиноко ей, брошенной и униженной. А потом она сказала: "Я бы отдала любые бабки, чтобы он увидел, как я мучаюсь...".

Бледная замолчала. А я присела на кровати, словно всё поняв, дойдя до всех тайн и загадок. Да, кое-что мне осталось непонятно, но где-то внутри мозаика начала выстраиваться в ровный ряд, в общую картину.

— И тогда, — продолжала женщина, — решение пришло само собой. Его словно сняли у меня с языка и предоставили мне же, обмотанное праздничной ленточкой. В тот же вечер я обзавелась камерой и устроилась на крыше дома, напротив которого горели грязные окна без занавесок. Мне, конечно, очень повезло, что в квартире, где проживала ЕГО дочь не было

шпор, и открывался прекрасный вид, сквозь мутные окна. Личная жизнь, море тайн, которые люди прячут за стёклами душ. Позиция моя была ужасна: ветер, дождь, огромная высота, ужасный холод. Я ещё тогда подумала: было бы неплохо снять квартиру прямо напротив её окон. Но удача шла за мной по пятам. Не могла не идти, после всего, что я испытала. В первый же вечер я сняла всё, что мне было нужно. Пьянки, грязь, драки, групповое изнасилование. Муть окон не помещала показать тайную убогую жизнь бывшей гимнастки. В кого она превратилась? Если честно, у меня сердце кровью обливалось, когда я следила за ними. Я помню её: маленькая, хрупкая, лёгкая, как пушинка, а улыбка так вообще не слезала с лица девочки. Мы встретились в коридоре, под трибунами, и она пожелала мне тогда удачи, а я ей... И, вот, мои глаза смотрят, как она плачет, бьёт кулаками уродливого, синего от татуировок мужика, а он бьёт её, и его удары гораздо больнее. Она падает на пол, и он тащит её в другую комнату, где уже ждут трое друзей, таких же синих, таких же пьяных и злых. И они начинают насиловать её, по очереди и все вместе...

Она замолчала. Я слушал её рассказ, слушали и птички, прекратившие свои песни.

— И я всё сняла. Всё, до того момента, пока пьяные уроды не легли спать. А она вышла на балкон и долго смотрела вниз, с шестого этажа, и я даже испугалась, что она может прыгнуть. Но девушка выкурила сигарету и вернулась в квартиру. Легла под бок своего ухажёра и уснула, голая и плачущая... Утром же я отправилась в магазин и купила продуктов. Два больших пакета. Я узнала, как можно передать всё это на колонию, где сидел ОН. Я представилась его дальней родственницей, я спрашивала про быт заключённых, и тут мне тоже улыбнулась удача. Оказывается, они неплохо там сидят, и у них есть даже телевизор. Я спрятала диск с записью в большую упаковку порошка. Если не пройдёт, думала я, ничего страшного. К тому времени, я уже стала бесплотным призраком, тенью самой себя. Ночью мне снился сон, как ОН достаёт из порошка компакт-диск, на котором чёрным маркером было написано: "Развратные мамочки 4. Возвращение вакуумной глотки". Как он зовёт своих друзей, или кто там они, и вставляет диск в DVD-проигрыватель, а потом смотрит, как его дочь, его маленькая девочка...

— Так всё и случилось, правда?

Она кивнула.

— Я долго не могла узнать, достигло ли цели моё послание. То просто не брали трубки. А потом, когда взяли, я спросила о том, как поживает мой дядюшка. А мне ответили... что сожалеют, что он покончил с жизнью... И я поняла, что стрела достигла цели, но это не принесло мне особого удовлетворения. Будто ты сделал то, что должен был сделать, и всё хорошо, всё просто так, как должно быть.

— Но? — спросил я.

— Но главное, что я вынесла с собой из этой истории, словно уцелевшего ребёнка из огня, — это идея. Идея, которая была построена на простой истине — люди обожают свои проблемы. Люди так их обожают, что готовы отдать многое, дабы показать мучения кому-нибудь. И лучше, чтобы этот "кто-нибудь" был самым близким человеком. А самое привлекательное, если он — дорогой человек, причинивший боль. Нет никаких извращенцев, Роман. Простые люди за стёклами домов — вот кто настоящие извращенцы. Каждый, за прозрачной завесой, каждый из нас немного извращенец потому, что мы смакуем собственные неудачи, беды, мы наслаждаемся ими и хотим, чтобы как можно больше людей увидело их. А тот, кто причинил нам боль, тот должен в первую очередь посмотреть, как ты мучаешься. Он должен понять, как тебе плохо и как ты страдаешь, а

больше ничего и не надо. Наша боль становится превыше всего. Люди — эгоистичные извращенцы, кто бы что ни говорил. И остаётся удивляться, как они готовы платить за это, чтобы кто-нибудь посмотрел на мучения, на то, во что они превратились.

Бледная сползла с кровати и присела на колени рядом со мной.

— Блондинка, униженная бывшим мужем, изнасилованная его друзьями. Она просто хотела показать, как её тяжело, и видеозапись достигла цели. И ей не важно, какое действие окажет видео на её бывшего. Она просто заплатила огромные деньги и была рада, что он увидит, как бывшая жена мучается. Она не играла, она жила так, как жила до этого. Она заказала слежку за собой же, чтобы потом её жизнь смотрели и понимали, до чего можно довести человека... Или не понимали. Разве людям это важно? Главное, что он увидит. И всё. Этого достаточно.

Бледная смотрела далеко, сквозь стену.

— "Я бы отдала всё, чтобы он увидел, как я страдаю". В этой фразе молодой девочки куда больше правды, чем кажется. Какой бы банальной эта фраза не казалась, сколько бы раз мы не говорили её на протяжении жизни, она отражает гораздо больше, чем кажется. Молодая девушка, молодой парень, и их ребёнок гибнет в автокатастрофе. Несправедливо, горько... Маленький, годовалый мальчишка умирает, а родители остаются живы. Девушка не выносит горя, ей не могут помочь психологи, и семейные проблемы, бытовые ссоры, размазывают брак, как каток размазывает асфальт. Он уходит от неё, бросает потому, что она так и не оправилась, она не отпустила и вот уже три года живёт, вспоминая про младенца, и вот уже три года она плачет, а по ночам кричит и просыпается в холодном поту. Он бросает её, и она знакомится с новым мужчиной, спортивным, сильным... Но... Она нашла моё объявление в интернете и заплатила огромные деньги. Она говорила, что хочет показать ему. Она тоже любила своё горе, как любила мёртвого сына. И ты снимал, как она качает ворох вещей, а она потом признавалась мне, что и забыла про съёмку.

Я слушал и не верил своим ушам. Это так... глупо, бессмысленно, неправильно...

— Они покупали собственные проблемы, — сказал я. — Они покупали съёмку себя, чтобы это увидели ничего не подозревающие люди? Те, кто принёс горе...

— Да, — кивнула Бледная. — И две девушки, которые выросли в богатой семье, в похожем на этот большом доме. И как их отец, за распутство и слишком весёлую жизнь, выгнал за порог, и они скитались по холодным октябрьским улицам, и думали, как же отомстить папочке за его злость. И они нашли моё объявление на одном из фонарных столбов, и решили наказать отца... Слишком глупые, слишком отчаянные.

— Они повесились, — сказал я.

— Да, они повесились. И даже ты поверил в их смерть. Но они живы. Они просто прочили его, верёвка и труба — всё было муляжом. Наверное, они давно пожалели об этом, но в тот момент, когда отец смотрел это видео...

— Представляю, что он чувствовал.

— Да, он чуть с ума не сошёл, — сказала Бледная. — И они победили. Он принял их обратно, и девушки снова живут, как раньше. Они победили...

— Так нельзя.

Бледная погладила меня по голове, и это было так неожиданно, что я вздрогнул.

— Ты — другой, — сказала она. — Ты тот, кто хочет помочь, кто готов надеть шкуру самого несчастного, дабы избавить его от мучений.

— Нет.

— Не лги себе! Я поняла это ещё тогда, у тебя дома. Я почувствовала это и показала тебе себя. И в твоих глазах... ты не просто ужаснулся, как ужасались до этого другие агенты, ты как будто готов был отдать всё, чтобы я стала прежней, нормальной, красивой...

— Ты показывала себя всем агентам?

Она не ответила, но я понял, что это так. И она оказалась права. Я рассказал ей про отца и про то, как я не хотел любить людей, но...

— ...но ты любишь их больше себя, — сказала Бледная. — Любишь и ничего не сможешь поделать. А я люблю тебя. Люблю...

Мы помолчали. Это было так странно, лежать в огромной кровати, а она рядом, в маске, гладила меня по голове. И я дотронулся до маски и снял её. Бледная не сопротивлялась.

— Я всегда называл тебя Бледной, — сказал я, улыбнувшись.

Так легко вдруг стало, словно тяжёлый обруч, сковывавший грудь, лопнул и разлетелся в разные стороны. И было не страшно, не противно вспоминать о людях, которые жили и будут жить за стёклами, лелея свои проблемы, и мне хотелось выслушать каждого, просто так. Если им это нужно, чтобы стало легче, я готов. Готов выслушать и умереть с тяжёлым вонючим грузом их проблем на сердце.

— Екатерина Старцева.

Её ужасное лицо... для кого-то ужасное, но для меня — прекрасное, содрогнулось, и она заплакала. Я тоже гладил её по голове, а Катя плакала на моём плече, как будто тоже держала долго-долго в себе эти скупые слёзы.

— Что же нам теперь делать? — спросил я, когда она успокоилась. — Помогать им?

— Мы это решим. Обязательно решим, милый мой! Только не сейчас. Мы так долго страдали, что имеем право на отдых. Мы будем наслаждаться своим горем, а, самое приятное, что нам теперь есть, кому рассказать о нём. Друг другу. А потом... потом мы займёмся людьми, если они так хотят показывать, хотят делиться своими проблемами.

Я обнял её и почувствовал, как тело моё напряглось. Она была нежная, а гладкая кожа пахла счастьем и облегчением.

И, когда она вскрикнула, испытав великое счастье и блаженство, мы обнялись, сцепились, как единое целое и уснули.

Больше книг на сайте - Knigolub.net